

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 15 (4457)

10 апреля 1974 г. СРЕДА

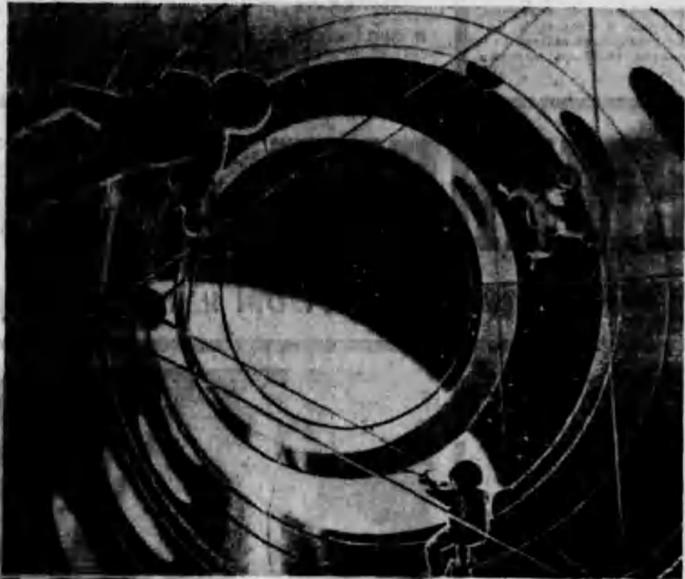

12 апреля — День космонавтики

Юрий Гагарин

Фото В. ГРАДИНА

«Монтаж спутника на орбитальной станции»

Рисунок А. ЛЕОНОВА и А. СОКОЛОВА

С. П. Королёв

Фото ТАСС

стр. 10

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ

МОСКВА

В состав Московской городской окружной избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей от РСФСР выдвинут писатель С. А. Крутилин.

КИШИНЕВ

Председателем республиканской избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР утверждён первый секретарь правления Союза писателей Молдавии П. П. Боцу.

ГОР. ФРУНЗЕ

В состав республиканской комиссии по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР выдвинут первый секретарь правления Союза писателей Киргизии Т. Аскарлов.

100 СТРОК ПУБЛИЦИСТИКИ

БУДЕТ ЩЕДРОЙ ЭТА НИВА

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ областей и автономных республик, пятьдесят два миллиона гектаров сельскохозяйственных угодий, пятьдесят восемь миллионов человек — вот какова нечерноземная зона России, прекрасный край, который живет сейчас в едином ритме со всей Советской страной — в ритме девятой пятилетки. Сила нашей земли, ее гордость — в людях, рабочих, колхозниках, народной интеллигенции, которые руководствуются всеобщим интересом, принятым недавно Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР сделать эту землю еще богаче, еще краше.

Я думаю, что общей характеристикой постановления «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР» могут послужить слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, сказанные им в Алма-Ате на торжествах, посвященных 20-летию освоения целины. Генеральный секретарь ЦК КПСС подчеркнул важность бережного отношения к одному из главных достояний — земле: «Эту землю, как, впрочем, и другие, надо решать комплексно, учитывая ближайшие нужды и отдаленную перспективу, интересы сельского хозяйства и запросы промышленности, учитывать социальные и, в частности, демографические аспекты».

Я убежден, что ни один труженник не останется равнодушным к осуществлению важнейшей общегосударственной задачи — обеспечению высоких темпов развития сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР. В основу этого развития будет положена интенсификация, широкая механизация земель, комплексная механизация и химизация, более полное использование в производстве достижений науки, техники и передового опыта. Намечена также обширная культурная программа. Высокие темпы сельскохозяйственного производства приведут к преобразованию сел и деревень в благоустроенные поселки. Выростут оживленные школы, новые дома культуры и клубы.

В этом важном деле большую роль призваны сыграть комсомольцы, молодежь, которые всегда идут в авангарде замечательных начинаний нашей партии. Мелкоротачное и сельское строительство нечерноземья по инициативе ЦК ВЛКСМ объявлены Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Эта стройка по плечу нашей молодежи, которая унаследовала славные трудовые традиции строителей Комсомольска-на-Амуре и покорителей целины. Перед ней, нашей молодёжью, открывается неограниченное поле деятельности — только в 1976—1980 годах на осуществление намеченной программы предусмотрено выделить 35 миллиардов рублей капитальных вложений, 120 миллионов тонн минеральных удобрений, 380 тысяч тракторов, 94 тысячи зерноуборочных комбайнов, 230 тысяч грузовых автомобилей...

В постановлении названы и десятки всесоюзных и республиканских министерств и ведомств, которые примут непосредственное участие в обеспечении нечерноземья необходимыми материально-техническими ресурсами. Многие республики тесно связаны с индустриальными гигантами, колхозами и кооперативными предприятиями, и, конечно, не впадая в выпрошенную依赖性 программы будут немалыми. В этом еще раз проявится жизнестойкая сила нечерноземной зоны РСФСР, сила нерушимой международной дружбы народов, населяющих нашу великую Родину.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР полностью отвечает чаяниям и заботам труженников сельского хозяйства нечерноземной зоны Российской Федерации. О ценном опыте, о живых примерах инициативы колхозников и рабочих совхозов этих районов я и попытаюсь рассказать в небольшой книжке «Полночь идущему вперед», которая недавно вышла в серии «Писатели и время», издаваемой «Советской Россией».

Писатели России — да и не только, я думаю, России — призваны вдохновить на эти публицистические произведения, в которых будет отражен героический подвиг труженников, изменяющих облик одного из центральных районов страны. Советская литература всегда была верным помощником партии, и созданная ею героическая летопись жизни народа будет пополнена новыми страницами, воспевающими красоту и силу души советских людей.

Будущее, VI ул. Байза, 18

СОЮЗ ВЕНГЕРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

По случаю национального праздника — 29-й годовщины освобождения Венгрии от фашистского ига

вам, нашим коллегам, сердечные поздравления от имени лучших писателей. За истекшие годы в нашей стране выросла новая, социалистическая литература, отражающая жизнь венгерского народа, его борьбу за построение социализма. Упрочилась нерушимая дружба и сотрудничество между литераторами Венгрии и Советского Союза. Лучшие произведения венгерских писателей широко известны в нашей многонациональной стране. Они пользуются заслуженным уважением у советских читателей.

В день нашего национального праздника жителям нашей страны, дорогим друзьям, большим успехов в создании новых произведений, призванных содействовать дальнейшему процветанию нашей социалистической родины, развитию дружбы и сотрудничества между народами стран социализма, укреплению прочного мира и безопасности на нашей планете.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

НАЗВАНО ИМЕНЕМ ПИСАТЕЛЯ

НАВОН — ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ

Сегодня «Литературная газета» открывает новую рубрику — «Названо именем писателя». В информации, очерках, репортажах, путевых заметках литераторы расскажут о местах, названных в честь великих писателей далекого и недавнего прошлого.

Город Навои я знаю с детства. Он возник и вырос на моих глазах. Приезжая сюда, я вижу: сделан еще один шаг, второй, третий... У меня сохранились записки о Навои. Записки разных лет.

1946 год. Старейшина нашего кишлака Джумбай-ата рассказал как-то о древней крепости Малик. Стояла она в пустыне, на знаменитом «Шелковом» пути. В конце концов городище было разрушено чужеземцами. 40 дней и ночей воевал Малик против Чингисхана. Но не устояла крепость...

Пять столетий назад на пути из Герата в Самарканд проходил мимо крепости Алишер Навои. Он долго осматривал развалины и под конец зарыдал. Потом, вернувшись в сторону долины Зеравшана, прокричал: «Был здесь город. Верю, еще будет! Народ-то не умер, живет он. И непременно воздвигнет здесь другой город, еще краше, чем Малик, могущественнее, чем Малик...»

1959 год. Верно, что Кызылкумы — кладовая сокровищ. На привольных просторах здесь летучие песчаные дюны, каравуклы, отливающие золотом. И в недрах — золото. И еще газ нашли в подземных тайниках! Я уже видел будущий город, пока, конечно, только на макете. Проект сделали ленинградские архитекторы. А поздней осенью уже заложил фундамент первого дома. На берегу Зеравшана был вынут первый ковш земли из котлована новой ГЭС.

1964 год. Был свидетелем завершения строительства крупнейшего в здешних местах химического комбината. Первенец Навои дает стране эликсир плодородия — минеральные удобрения. Получен здесь и первый в Средней Азии нитрон — синтетическое вещество, выработываемое из продуктов переработки нефти. Поднимается корпус еще двух индустриальных великанов... Навои будет давать цемента больше, чем вся дореволюционная Россия. Закладываются первые 14-этажные жилые дома, широкий экранный кинотеатр, стадион.

1971 год. На берегу реки Зеравшан есть старый кишлак Кермана, что буквально означает «глухоглухой». Там сейчас горят россыпи огней. Серебристые манты линий электропередачи несут свет Навоинской ГЭС во все концы Средней Азии. И не миряся, а настоящее озеро выдвигается среди песков...

1974 год. В самом центре одного из самых больших пустынь Средней Азии — Кызылкумов — на пути песчаных бурь стоит в полный рост человек, гордый, торжествующий. Напряжены его бронзовые мускулы. Опиравшись он на горные скалы, где бьют родники. Сливаясь, они образуют огромный водопад. Из него туркишанскими черпают воду тридцать три реки Средней Азии: Амударья, Сырдарья, Зеравшан, как в волшебном зеркале, отражается прекрасный Доурек культуры. И стоит он в центре юного города, которому народ дал имя своего великого поэта.

Ленинградские зодчие вложили в проект города свой коллективный талант, и этот труд отмечен Государственной премией СССР. Рабочие и инженеры сорочка национальностей трудились на строительстве города... Наш юный город действительно прекрасен, как мечта поэта. Как его стихи...

Юлдаш МУКИМОВ

В шпунт международного праздника трудящихся! Шпунт — станут известны итоги Всесоюзного конкурса на лучшее произведение художественной прозы о советском рабочем классе. В соответствии с положением о конкурсе, который проводится ежегодно в рамках праздничных мероприятий, художественно-документальные произведения, в которых на высочайшем идейном и художественном уровне показан героический рабочий класс нашей страны, ведущий и содействующий борьбе за построение коммунистического общества. С 1970 года конкурс объявлен постоянно действующим, итоги его подводятся раз в два года.

В жюри конкурса — оно возглавляется первым секретарем правления Союза писателей СССР Марковым и секретарем ВЦСПС Л. Землинской — входят известные писатели, переводчики произведений, профсоюзные работники, руководители центральных издательств, деятели культуры. В эти дни жюри приступает к подведению итогов.

Кто из писателей принял участие в нынешнем конкурсе? Известные ли читателям произведения поступили на конкурс или еще неуспешно-поисковые рукописи? С этими вопросами наш корреспондент обратился к писателю Георгию СВЯТЫХОВУ, возглавляющему рабочую группу жюри. Вот что он рассказал:

— Советский писатель видит свой главный долг в том, чтобы принять участие в создании художественной летописи нашего замечательного времени, изобразить в своих книжках человека труда, героя пятилетки. Участники конкурса должны раскрыть на страницах своих произведений богатый мир мыслей и творческих дел нашего современника, обладающего широкими знаниями, большой культурой, подлинного хозяина своего государства; глубоко и ярко отобразить, как под руководством Коммунистической партии нынешнее

поколение рабочих достойно продолжает славные революционные, боевые и трудовые традиции советского народа. К главной теме советской литературы приковано внимание писателей всех республик нашей многонациональной страны. И не случайно, конечно, конкурс обрел самую широкую поддержку и стал поистине всесоюзным. Писатели ищут и находят разнообразных произведений. Авторы из — и известные писатели, такие, как В. Кожвинков (роман «В полдень на солнечной стороне»), П. Проскурин (роман «Судьба»), В. Попов (роман «И это называется буднями»), М. Барышев (роман «Вторая половина года»), В. Жуков (роман «Хроники паровоза «Юго»), и молодые прозаики — В. Поголов (повесть «Двадцатая буровая»), Л.

НАМ РАССКАЗАЛИ...

ГЛАВНАЯ ТЕМА

разные формы содружества с рабочим классом — так, московские литераторы, к примеру, заключили договор с пятью столичными промышленными предприятиями, — последние годы увеличилось число коллективных и индивидуальных поездок литераторов на стройки пятилетки. И это тоже не могло не сказаться на «географии» конкурса, на его тематике.

В жюри поступило свыше двухсот шестидесяти произведений. Это и журнальные публикации, и отдельные издания, и рукописи.

Состав участников конкурса весьма разнообразен. Активно потрудились писатели Москвы. Тема современного рабочего входит в творческие планы многих литераторов столицы. Они представили на конкурс 76 романов, повестей и художественно-документальных произведений. Авторы из — и известные писатели, такие, как В. Кожвинков (роман «В полдень на солнечной стороне»), П. Проскурин (роман «Судьба»), В. Попов (роман «И это называется буднями»), М. Барышев (роман «Вторая половина года»), В. Жуков (роман «Хроники паровоза «Юго»), и молодые прозаики — В. Поголов (повесть «Двадцатая буровая»), Л.

«Стальной сокол» (повесть о Битабаре) С. Шаймарданова (Казакстан), романы «Ураган» Д. Абдуллаханова (Узбекистан), «Испытатели» Г. Скваренко (Молдавия). Прислали с грифом «на конкурс» романы украинских писателей — «С точки зрения вечности» П. Загребельного, «Блуждать» Ю. Бедзика, «Канал» И. Григорюк, повесть «Ночной тропейбус» М. Глушко. Все эти вещи уже опубликованы на страницах журналов или вышли отдельными изданиями.

Но есть среди произведений, поступивших на конкурс, и рукописи — романы Г. Лезгинцева «Доверие», Н. Поповича «Когда море неспокойно», И. Укусова «Глубокий фундамент», Ю. Шестакова «Тайна золотой Богини», повесть И. Падерина «На крутоверье» и другие.

Хотелось бы отметить и интересные художественно-информационные произведения, такие, как книга Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, слесаря московского завода «Красный пролетарий» имени Ефремова В. Ермилова «Счастье трудных дорог», книга слесаря завода «Доклад» Ю. Корнилова «Моисеевский процесс», очерки А. Медникова «Московский дом», документальная повесть А. Владимировича «Наперекор судьбе». О подвиге покорителя целины написал Ф. Мергун в своей книге «Лаб и люди», которая уже получила признание читателей и критиков.

Романы повестей, документальных вещей на конкурс пришлось немало. 1 мая, в праздник труда и мира, мы узнаем имена новых лауреатов Всесоюзного конкурса на лучшее произведение художественной прозы о советском рабочем классе.

Лондон (повесть «Трудные этаны») и другие.

В конкурсе участвовали и ленинградцы, и писатели Поволжья, Урала, Сибири. Прибалтики, Украины, республик Средней Азии, литераторы крупных промышленных городов и новых индустриальных центров. Назову хотя бы романы «Вдова» тульской писательницы Н. Парыгинной, «Инженеры» горьковского писателя А. Патреева, диалог «Золото собирается крупицами» и «Акман-Токман» Башкирского прозаика Я. Хамитова, романы татарских писателей «Твердая порода» Ш. Бицурин и «Сквозь туманы» Э. Касчиева. Активно участвовали в конкурсе писатели союзных республик. Мы получили роман «Капля воды — крупица золота» аксакала туркменской литературы Берды Кербалиева, романтическую повесть

ПИСАТЕЛЬ И ПОПУЛЯРКА

«Круглый стол» на Минском ордена Ленина заводе ЭВМ имени Г. К. Орджоникидзе

стр. 2, 4, 5

ПОЭЗИИ

СТАТЬИ, ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ, СТИХИ

стр. 6, 7

На выставке книг «80 лет Польской Народной Республики» в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина

С 2 ПО 11 АПРЕЛЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ ПРОХОДЯТ ДНИ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 30-ЛЕТИЮ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

стр. 3, 8

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

ОБ ОДНОМ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

стр. 11

«ЛЮДИ И ВЕЩИ»: ЧИТАТЕЛИ ПРОДОЛЖАЮТ РАЗГОВОР

стр. 12

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

Статье критике Б. Аношенкова «ЛГ» начале обсуждения современных произведений на рабочую тему — магистралью тому советской литературы. Дискуссия привлекала широкое внимание писателей, критиков, общественности (см. «ЛГ», №№ 1, 6, 7, 9, 10). Многие аспекты рабочей темы стали предметом обсуждения и за «круглым столом», организмом «Литературной газеты» совместно с Союзом писателей Белоруссии на Минском ордена Ленина заводе ЭВМ имени Г. К. Орджоникидзе.

Днем раньше участники «круглого стола» побывали на Минском заводе холодильников. Это современное предприятие с высоким уровнем механизации и автоматизации производственных процессов, более чем семикилометровой конвейером, информационно-вычислительным центром. Обслуживают оборудование рабочие-специалисты с высшим и средним образованием, каждый четвертый из них —

член постоянно действующего производственного совещания, член бюро экономического анализа.

Рабочие и инженеры рассказали о своем заводе, о том, что характерными чертами их коллектива являются глубокая заинтересованность в совершенствовании производства, творческие отношения к труду, развитие духовного потенциала каждого. Растет интеллектуальный уровень рабочих. Они любят искусство, тонко, со знанием дела судят о литературе.

В беседе с писателями приняли участие секретарь парткома Ю. Колесов, зам. директора завода А. Живневский, слесарь А. Генкин, инженер Л. Оленкина, начальник бюро Е. Жмакин, наладчик В. Бацакин, инженер-конструктор В. Морозова, слесарь Л. Стефанская и другие.

Перед коллективом завода выступили писатели В. Карпов, А. Кулаковский, Е. Лось. Председатель правления СП Белоруссии Максим Танк поблагодарил работников завода за открытый и конкретный разговор о литературе.

На следующий день писатели Москвы, Белоруссии, и другие республики приехали на завод электронно-вычислительных машин, прошли по его цехам, напечатавшим научные лабораторию, выслушали подробные объяснения заводских инженеров, после чего за «круглым столом» состоялась дискуссия. Заседание вели заместитель председателя правления СП Белоруссии И. Шамякин и секретарь правления А. Кулаковский.

В этой встрече приняли участие прозаики Г. Панджикидзе (Грузия), критики Р. Мустафин (Казань), Ю. Окинский, А. Бочаров, Г. Амитин (Москва), белорусские писатели А. Гречаников, А. Лидомир, М. Арошко, Г. Буравкин, В. Коваленко, А. Мамаев, И. Науменко, А. Савицкий, Я. Силко, И. Чигрин, рабочие и инженеры завода, ведущий сектор отдела культуры ЦК КПБ В. Гниломедов, секретарь Минского ГК КПБ А. Реут.

бючего, а иногда и раздражают его. Я имею в виду конвейерное производство и некоторые другие заводские специальности. То ли человек должен отнестись с чувством долга к этой своей скучной работе и развивать себя как хобби, то ли ему надо искать себе другую работу, которая отвечала бы его потребностям? С одной стороны, мы учим школьников, что каждый труд почетен, с другой стороны, можно ли труд, не приносящий удовлетворения, называть трудом с большой буквы? Мне кажется, что об этих проблемах писатели должны писать так же глубоко и интересно, как они пишут об организаторах производства, — тут я имею в виду повесть В. Липатова об инженере Прончатове.

В. КОВАЛЕНКО. Сложность для меня в том, что у нас с тов. Саралкиным литературе есть о чем поразмышлять в этом плане. Мне кажется, что белорусские критики еще менее подготовлены к осмыслению процессов, вызванных научно-технической революцией. Если писатель захочет уйти от критики, ему это легко сделать, взяв темы научные, производственные. Критика же в Белоруссии пока не может последовать за ним в эти сферы.

И. КАВУН (инженер). Вот тов. Коваленко сказал, что Чешков узок. В чем же это выражается? Я, наоборот, считаю, что у Чешкова куда шире кругозор, чем у многих окружающих его людей. Говорят еще, что он, Чешков, не любит людей. Разве? Наоборот, он не хочет, чтобы люди работали на износ, и поэтому решительно борется за новую, передовую организацию производства. НТР хороша тем, что полезна и заводу, и людям!

Вот, например, один из молодых писателей, А. Балянов, в романе «Огонь и вода» затронул важные проблемы крупной стройки, создал интересные образы современных инженеров. Творческая проза обращается и к другим сферам труда рабочих. Скажем, Ш. Викторин написал роман «Твердая порода», в котором показана бригада нефтяников. Эти люди идут от одной скважины к другой, переживают с одного места на другое. Один думает: закончим эту скважину, и я уйду из бригады, потому что он учится заочно и ему эти переезды надоел. Другой, еще совсем молодой, со школьной скамьи мечтает о спорте. Но постоянные переезды мешают ему заниматься спортом. Он также думает пробурить очередную скважину и уехать. Третий пошел работать в эту бригаду, чтобы накопить денег. Четвертый — повеса. Од-

stroyт сразу дома, а временки есть, неввидимые, временки: наши повести, романы о техническом прогрессе.

Я считаю, что большая литература о рабочем классе будет создаваться тогда, когда заводская среда будет рождать своих поэтов, своих писателей. И тут встает вопрос: почему всегда так мало эта среда рождает писателей и поэтов? Вот есть у нас в Белоруссии деревня, в которой пять или шесть хат, и она дала нам трех поэтов. А этот завод — ни одного. Почему же двести человек дали трех поэтов, а тысячи — ни одного прозаика и поэта? Тут, наверное, есть какие-то серьезные причины. Мне кажется, в частности, что нужна какая-то работа изнутри по лучшей организации литературной жизни на заводах, предприятиях.

А. АВМЕТКО (инженер-конструктор). Я хотел бы вернуться к разговору А. Саралкина о молодежи на нашем заводе. Правда, я буду говорить больше не о рабочих, а об инженерно-технических работниках. Но у нас на заводе это взаимосвязано.

Беда в том, что у студентов очень смутное представление о современном заводе. И когда молодые люди приходят к нам в конструкторский отдел или в цех наладки, они

А. ПРИВКО (секретарь парткома завода ЭВМ). Тема «Круглого стола», организованного «Литературной газетой» и Союзом писателей Белоруссии, нам, работникам завода, представляется очень важной. Судьба каждого человека на заводе в условиях научно-технической революции волнует наш коллектив, нашу партию, комсомольскую и профсоюзную организацию.

И. ШАМЯКИН. Сейчас на эту тему говорят много, еще больше спорят. Временами дискуссия ведется на наших теоретиках на таком уровне, что бывает нелегко разобраться, как в тех ЭВМ, сборку которых мы только что смотрели.

Конечно, было бы хорошо, если бы перед началом нашего разговора мы, белорусские писатели, выложили горюက်пг — романоу, повестей и пьес — о нашем современнике, о молодом герое эпохи научно-технической революции. К сожалению, «горы» еще нет.

Особенно мы в долгу перед молодежью. И вот почему. Сильно вырос молодой рабочий класс. Мы узнали, что на этом заводе средний возраст рабочих — меньше 30 лет. В прошлом году мы были на крупнейшем Могилевском комбинате синтетического волокна. Там средний возраст рабочих даже 22,8 года!

То же самое и на многих других заводах. Словом, наш молодой современник — это как раз герой эпохи НТР, тот человек, который двигает научно-технический прогресс.

А. РЕУТ (секретарь Минского горкома партии). Замечательный трудовой вклад вез коллектив завода в девяную пятилетку. Внедрена система организации бездефектного труда, которая позволяет объективно оценивать труд каждого — инженера, техника, рабочего, служащего. Широко принята система демократизации в управлении заводом. Администрация умело сочетает функции единоначалия с энтузиазмом и творческой инициативой трудящихся.

Здесь присутствует тов. Таварасьян — слесарь, член парткома. Люди характеризуют его как замечательног о специалиста, чуткого и отзывчивого товарища.

Этот короткий штрих к портрету нашего современного рабочего человека. Можно было бы назвать тысячу замечательных наших людей, имеющих среднее или даже инженерное образование и сильно отличающихся от тех рабочих, какие были у нас всего десять лет назад. Облик нашего рабочего чрезвычайно сложен, его не так просто показать в литературе, но мы верим, что друзья писателей с заводом помогут появлению новых ярких книг о наших современниках.

Мы уверены, что и передовой опыт управления коллективом завода представляет большой интерес для писателей.

А. БОЧАРОВ. Я не думаю, что правильно понятие «герой НТР», которое употребил здесь Иван Петрович Шамякин. Кто такой «герой НТР»? Мы щедро наделяем его всеми хорошими качествами, создавая новую разновидность идеального героя. Но литература, по моему, не служит ни для прямого воспеания, ни для прямого отображения, а служит для познания жизни в ее глубинных процессах, в ее сложностях, успехах, неудачах.

За последние годы у нас появилось довольно много книг о рабочем классе. Но получается так, что в век научно-технической революции романы эти мало кто помнит. Названия их на-

НАШ СОВРЕМЕННИК-РАБОЧИЙ...

«Круглый стол» на Минском ордена Ленина заводе ЭВМ имени Г. К. Орджоникидзе

мья, а спроси, о чем они, лишь немногие ответят, — и это, конечно, говорит о том, что сегодняшняя литература о рабочем классе и НТР все еще очень мелко пишет, не нащупала истинно современных конфликтов, противоречий, закономерностей.

Например, в журнале «Октябрь» был напечатан роман И. Штемлера «Обычный месяц» — вроде бы о научно-технической революции на одном из заводов. В центре противопоставление двух бригад: одна гонится только за заработком, а другая бригада, состоящая из молодежи, хатурной работы не берет, потому что считает ее унизительной для себя. Таков конфликт.

Является ли он типичным для научно-технической революции? Я не уверен в этом. Многие наши производственные романы, начиная с 30-х годов, на этом и строятся: знавший мастер загордился, а молодой его обгоняет. Есть в этом романе вроде бы неоспоримые приметы нового — разговоры о НОТ, о коренной реорганизации производства.

Но много ли это говорит о сути научно-технической революции? По рекомендациям группы ученых главный инженер хочет ввести научную организацию труда, а директор сопротивляется, потому что это отразится на плане.

Но опять-таки подобные конфликты были задолго до научно-технической революции. Вспомним «Битву в пути» Г. Николаевой. Жизнь людей труда сегодня несравненно более многообразна. Обратимся хотя бы к повести «Заводской район» минского инженера А. Каштанова. Там нет одного центрального производственного конфликта, как в романе И. Штемлера. Действие погружено в производственные будни, семейные праздники, бытовые заботы, радости, огорчения, «перетекает» от одной фигуры к другой. В центре повести — инженер Антонина Брагина, деловая, ухватистая, любительница повеселиться, но неизменно принципиальная, несобойная и удивительно чистая, принципная, взглядом облагораживающая окружающих.

И неважно, что у А. Каштанова взято не самое «научно-революционное» производство. Совсем не обязательно гнаться за сверхваком — описывать, связать, работу с конструкторским или счетно-вычислительными устройствами.

Правильнее, на мой взгляд, понимать НТР как специфические условия, в которых продолжается развитие социалистической революции. К примеру, можно сказать, что НТР требует от нас деловитости, и у нас появилось много «деловитых» героев, таких, как Чешков в пьесе И. Дворецкого «Человек со стороны». Но, право же, хотя НТР и впрямь требует прежде всего дисциплины, четкой организации труда, однако одним этим параметром — деловитость — сегодняшнего человека ни определить, ни возвысить нельзя.

Сегодня на нашем заводе нам сказали, что для определения передовиков у нас существует 78 показателей — дисциплина, сноровка, учеба, поведение в быту и т. д. — которые закладываются в ЭВМ и объективно определяют лучших людей завода. Наверное, и литератор должен оперировать не одним, а тоже 78 показателями. Но в том-то и дело, что у разных людей несоразмерно разное соотношение этих показателей. — и поэтому искусство всегда есть открытие нового.

Словом, главной задачей литературы в любую эпоху остается широта познания современника.

В. ТАВАРАСЬЯН (слесарь). Я хочу поддержать тов. Вочарова. В самом деле, героев своих литература находит чаще всего на ударных участках промышленности нашего времени. Это, конечно, и правильно, и всем интересно. Пусть другое: видимо, писатели привыкли посещать в первую очередь те предприятия, о которых много пишут пресса. Редко можно встретить в литературе героев с простого, рядового завода. А об этом тоже писать необходимо.

Я считаю, что первичная задача литературы — это воспитывать человека, и прежде всего воспитывать молодежь.

Трудный процесс воспитания молодежи много. Вот одна из них. Я работаю слесарем-инструментальщиком, это специальная сложная, чтобы стать хорошим слесарем-инструментальщиком, надо поработать минимум 15 — 20 лет, а то, может быть, и больше. Однако не секрет, что среди молодежи есть, как их называют, летуны. Они бросаются от одной специальности к другой. В итоге проходит несколько лет, прежде чем молодой рабочий определит себе специальность. Но только через 15 лет он станет хорошим специалистом!

Литература может преподать урок такой молодежи. Роман может быть построен и на положительном, и на отрицательном герое. Важно, чтобы литература помогла молодым людям понять, как прожить с наибольшей пользой для общества и значит, с наибольшей интересом для себя. Надо пропагандировать и поощрять труд рабочего

не все эти произведения целиком о рабочем классе, но образ современника надо понимать широко.

Правильно говорил тов. Таварасьян, что литература должна пропагандировать заводской труд, готовить к нему молодежь.

В журнале «Звезда», № 1 за этот год напечатана статья директора Ленинградского «Саймон-Стригин» облисполкома И. М. Свєрдлов, Г. Кулагина — школьн и рабочий класс». В 1972 году в Ленинграде об 8-тысяч молодых людей, не поступивших в институты и техникумы, на станкостроительные заводы пришли только 30 человек. В этом вина и наша, писательская. Мы достаточно сделали, чтобы пропагандировать летчиков, космонавтов, артистов, то есть профессии раднее, но вот массовые рабочие профессии мы пропагандируем слабо.

Г. ПАНДЖИКИДЗЕ. Каждая эпоха обладает своей инерцией. Человеческая психика привыкает к этой инерции.

Техника идет вперед, инерция растет, и человек приспосабливается к этой инерции так же органично, как пассажир — к инерции самолета.

Если мы сравним неторопливые, несколько раз перелетаемые и потом специально переписанные каллиграфическим почерком письма XIX века с короткими, нервными записками наших дней, разница станет очевидной.

Человек создает сверхзвуковые самолеты, ракеты, скорости средства связи. Но чем совершеннее становится эти средства, тем больше нам не хватает времени.

В чем тут дело? Может, человек уже не под силу господствовать над техникой, созданной им же самим? Может, человек как психологически, так и биологически все больше отстает от стремительности движения своей мысли, может, наше тело, наше сердце, наши нервы уже не готовы вынести результаты нашей же мысли? Может, человек, психологически преодолев много барьеров, по своим физико-психическим возможностям не соответствует новому положению вещей?

Эти проблемы не только медицина, биология, но и проблемы литературы.

Не поданы ли человека головокружительный темп жизни? Не забуд ли в нем телоту, эмоциональность, любовь к людям? Не стал ли он равнодушным и замкнутым? Или, может, остановится развитие человеческого духа, так нельзя задержать мысль.

А. САРАПКИН (инженер). Наш завод, который является в своей области флагманом научно-технического прогресса, интересен не только тем, что здесь производятся электронно-вычислительные машины, но и тем, что у нас появляются новые профессии, отвечающие потребностям эпохи НТР. Однако эти профессии не всегда вызывают удовлетворение у ра-

нет единого понимания, что такое НТР. Оно и понятно: вряд ли совпадают представления об НТР у инженера завода вычислительных машин и у человека, который пришел на этот завод в качестве туриста.

И еще вопрос: как судить об отношении литературы к НТР? Только по теме, или можно рисковать. Например, новая комедия Нонды Крайны «Врата бессмертия» построена на сюжете научного открытия и все-таки не имеет отношения к НТР.

Важнее, мне кажется, что научно-техническое производство требует к себе определенного общественного отношения. Это отношение можно назвать отношением наибольшего благоприятствования. Но дело здесь «бухтует», если развитие его направляют некомпетентные люди. Вот почему одним из важнейших вопросов, стоящих перед литературой, обращавшейся к проблемам научно-технической революции, оказывается вопрос о социальном нравственном, человеческом аспекте этого процесса. И тут я должен возразить А. Саралкину.

Мне кажется, что у героя типа Чешкова узковат общественный кругозор. В связи с этим героем возникает и такой вопрос: не бывает ли так, что личность воевая, действительно способная сделать очень много полезного, перерождается в лентяя, паразита?

Иной пример дает нам произведение нашего белорусского драматурга И. Матусковского «Амниция». Молодая героиня Дрозд не форсирует события, которые должны нарастать, надрывать, тогда меньше риска, меньше душевных травм — и больше пользы для самого дела.

Конечно, трудно сказать, какому герою надо отдать предпочтение. НТР привносит в движение и Чешкова, и героиню комедии Матусковского — всех, кто живет активно, ведет борьбу за новое, за передовое.

Вчера на заводе холодильников мне поправил выступление инженера Л. Оленкина. Она призывала к социализму, осязающему тех фактов, которые мы наблюдаем каждый день. Действительно,

сталкиваются с действительностью, сильно отличающейся от их представления. Ноичники не знают, например, о современном ритме производства. И вот, придя на завод, переживают острую ломку. Это проблема не только физическая, но и общесоциальная, поскольку небезразлично для государства, для завода в частности, с каким настроением молодой человек сидит за пульманом или стоит у станка.

И вот почему хотелось бы, чтобы наша литература показывала жизнь современного завода во всей его сложности, будь это завод вычислительных машин или какой-то другой. Пускай картина получится далекой от идеальной, все равно эффективность литературы будет выше. Потому что неправда всегда обманывает, а правда всегда выигрывает. Вспомните «Юности», например, печаталась повесть «Цейтлит». Показана жизнь инженера-наладчика. Сидит инженер, попивая кофе и между разговорами отлаживает машину. А ведь на самом деле процесс отладки — суровый труд, требующий больших знаний и самоотверженности. Такие повести вводят молодежь в заблуждение.

И еще одно замечание: конечно, писатель должен писать, о чем пишет. Однако возражу И. Шамякину — перенасыщение книжки производственными деталями, на наш взгляд, совсем не нужно. Нам нужна литература с глубоким психологическим анализом современника. Значит, нужны масштабные произведения, крупные жанры. В самом деле, можно ли показать в маленькой повести или в очерке жизнь человека?

Есть у нас на заводе отличные люди. Есть бригада Панджикидзе, мне хотелось бы вспомнить и о слесаре Диме Конопалом — это отличный рабочий — отличный человек. Он прошел большой путь, был секретарем комсомольской организации, награжден, возглавляет теперь цеховую партийную организацию. У него двое детей, но в этом году он поступил в политехнический институт и успешно там занимается. Можно об этом замечательно написать 2—3 страницы, но все прочитают и забудут, а можно создать роман о станковом заводе через призму судьбы этого человека.

Итак, мы пытаемся понять, как литература может помочь друг другу. Например, приходит срочная работа, мы собираемся, обсуждаем и все вместе находим правильное решение, даже охотно жертвуем и своим личным временем, если нужно. Наш участок все время занимает первое место и по цеху, и по заводу, он на хорошем счету. И я хотел бы пожелать писателям особенно обратиться внимание на то, как НТР облагораживает отношения людей. Потому я не совсем согласен с А. Саралкиным. И к нам приходит молодежь после окончания школы, и у меня тоже были ученики, совершенно не знакомые с этой работой, но потом они вникли в нее, полюбили и не очень-то хотели бы уйти с нашего участка.

Р. МУСТАФИН. Мы говорим о рабочей теме, которая всегда изучается в наибольшем внимании, привлекает внимание общественности, поскольку рабочий класс — ведущая сила нашего общества. Однако определить тему конкретного произведения не так-то просто.

В Татарии, например, есть прозаик С. Рафиков, он талантливо писал о деревне. Несколько лет назад он решил отразить труд строителей Занской ГЭС — одной из крупнейших в Европе электростанций. Писатель жил там, изучил материалы и написал роман. Все есть в этом романе: передовики производства и те, кто отстает, передовой инженер и консерватор — главный инженер, который не дает ходу новому, и конфликт в семье. Но нет внутренней идеи, нет выношенной идеи, и естественно, критика оценила этот роман, как слабый. Однако желания откликнуться на производственную тему недостаточно. Мало даже знания материала, необходима серьезная и глубокая мысль.

А. КУЛАКОВСКИЙ. Но главное, по моему, все-таки не информация, а художественный образ. Другое дело, что если писатель не знает производства, то вряд ли он сумеет создать убедительные образы людей этого производства!

А. АДАМОВИЧ. Уже один спор между Саралкиным и Гаврильчиком показывает, что научно-техническая революция имеет и свои праздники, и свое полемика. Литература не должна быть слепой рабадствы по поводу научно-технического прогресса, а должна задумываться о нравственном дне и о последствии НТР, которые уже сегодня касаются человека.

Почему мы так трудно пишем о современном рабочем классе? Возникают огромные заводы, технические комплексы, сейчас перестали строить временки вокруг многих заводов.

Писатели и критики на Минском заводе холодильников. Слева направо: Максим Танк, Николай Ткачев, Иван Науменко, зам. директора завода А. Б. Живневский, Гургам Панджикидзе, Анатолий Бочаров, конструктор В. М. Морозова. Фото В. КРУЧА

А. ГАВРИЛЬЧИК (монтажник). Я работаю монтажником радиоаппаратуры уже 12 лет и считаю, что НТР на заводе — это для меня благо. Возьмем тот же конвейер. Вы знаете, было бы не приспособлено и приходилось терпеть много неудобств. Зато когда конвейер усовершенствовали, я заметил, что люди, которые раньше жили как-то сами по себе, стали более общительными.

Сегодня все старается помочь друг другу. Например, приходит срочная работа, мы собираемся, обсуждаем и все вместе находим правильное решение, даже охотно жертвуем и своим личным временем, если нужно. Наш участок все время занимает первое место и по цеху, и по заводу, он на хорошем счету. И я хотел бы пожелать писателям особенно обратиться внимание на то, как НТР облагораживает отношения людей. Потому я не совсем согласен с А. Саралкиным. И к нам приходит молодежь после окончания школы, и у меня тоже были ученики, совершенно не знакомые с этой работой, но потом они вникли в нее, полюбили и не очень-то хотели бы уйти с нашего участка.

Р. МУСТАФИН. Мы говорим о рабочей теме, которая всегда изучается в наибольшем внимании, привлекает внимание общественности, поскольку рабочий класс — ведущая сила нашего общества. Однако определить тему конкретного произведения не так-то просто.

В Татарии, например, есть прозаик С. Рафиков, он талантливо писал о деревне. Несколько лет назад он решил отразить труд строителей Занской ГЭС — одной из крупнейших в Европе электростанций. Писатель жил там, изучил материалы и написал роман. Все есть в этом романе: передовики производства и те, кто отстает, передовой инженер и консерватор — главный инженер, который не дает ходу новому, и конфликт в семье. Но нет внутренней идеи, нет выношенной идеи, и естественно, критика оценила этот роман, как слабый. Однако желания откликнуться на производственную тему недостаточно. Мало даже знания материала, необходима серьезная и глубокая мысль.

А. КУЛАКОВСКИЙ. Но главное, по моему, все-таки не информация, а художественный образ. Другое дело, что если писатель не знает производства, то вряд ли он сумеет создать убедительные образы людей этого производства!

А. АДАМОВИЧ. Уже один спор между Саралкиным и Гаврильчиком показывает, что научно-техническая революция имеет и свои праздники, и свое полемика. Литература не должна быть слепой рабадствы по поводу научно-технического прогресса, а должна задумываться о нравственном дне и о последствии НТР, которые уже сегодня касаются человека.

Почему мы так трудно пишем о современном рабочем классе? Возникают огромные заводы, технические комплексы, сейчас перестали строить временки вокруг многих заводов.

СТР. ОКОНЧАНИЕ НА 4 — 9-А

ХУДОЖНИК И КНИГА

Гравюры художника М. Тарасовой к сувенирному изданию «Уральская энциклопедия. Советский фольклор народов Урала». Пермское книжное издательство.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы советское литературоведение обогатилось рядом ценных исследований в области истории и теории литературы. Среди них видное место занимает книга академика М. Храпченко «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы»...

разного освоения жизни, способ убеждать и увлекать читателя. Думается, однако, что объект, предмет изображения играет ведущую роль в формировании стиля произведения...

соображения автора книги о художественном прогрессе человека, изложенные в разделе «О прогрессе в литературе и искусстве». Сама постановка вопроса о значении идей прогресса для понимания истории мирового искусства...

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ЕДИНСТВО КОНЦЕПЦИИ

В книге подвзвугнуты различные формы объединения, умаления роли доминирующей, сведение его искусства к натуралистической передаче, к простому воспроизведению действительности, равно как и присутствие стилизации, обилие творческой фантазии...

что творческая судьба каждого писателя индивидуальна, но и здесь, нужно полагать, существуют общие закономерности, пока еще не вскрытые исследователями. И автор приходит к выводу, что исследование деятельности писателя, ее общественно-эстетической функции составляет особую задачу литературоведения, которая, к сожалению, еще не получила сколько-нибудь широкого осуществления...

Критический анализ творчества писателя, М. Храпченко проводит мысль, что «качественную определенность, системность» представлений и наблюдений художника придает его общий взгляд на мир, складывающийся в процессе жизненной практики, в конкретных общественно-исторических условиях...

Особенно значительны философские особенности, которые проявляются в литературе различных стран... С. ПЕТРОВ, доктор филологических наук

СРЕДИ многочисленных суждений по поводу произведений на так называемые «личную» и «бытовую» темы наиболее интересными кажутся мне суждения, высказанные в дискуссии, посвященной литературе и НТР на страницах журнала «Дружба народов» (№№ 10, 11, 1973). Там, в частности, говорилось, что некоторые из произведений, посленно объявленных новыми критиками «заосеменными» и даже «адольтерными», подняли важные проблемы времени, касавшиеся сложной внутренней жизни личности, ее отношения к работе, к любви, наконец, к самой себе.

Несмотря на некоторую категоричность таких суждений применительно к последним произведениям С. Залыгина и Д. Граннина (о них прежде всего и шла речь), нельзя не признать, что в этих наблюдениях очень верно уловлена одна из отличительных тенденций литературы наших дней, связанная с попытками более полно и глубоко исследовать мир личности — не только на переломных поворотах истории, но в стихии повседневного, будничного существования, которое таит в себе и остроту моральных проблем, и сложные, отраженные духом времени психологические коллизии.

Другое дело, что подобная тенденция во многих произведениях зачастую остается только заявкой, нередко на уровне лишь многозначительного обещания — обещания глубины и полноты в осмыслении бытия и бытия. Степень реализации этой заявки и рождает извечный вопрос о том, чем же в конечном итоге определяется ценность художественного произведения — самим объектом изображения или особенностями его эстетической и эстетической оценки, в каком соотношении находятся в искусстве знаменитые «что» и «как», насколько четки (или, наоборот, зыбки) разделяющие их грани.

Вопрос этот встает особенно остро и остроумно при сопоставлении произведений, одновременно и далеких друг от друга, и внутренних близких, среди которых хотелось бы выделить три наиболее приметных, отмеченных печатью таланта и авторской самообытности. Это рассказы Павла Нилина «Дурь» («Новый мир», № 5, 1973) и Андрея Битова «Образ» («Звезда», № 12, 1973) и опубликованная в «Нашем современном» (№№ 1, 2, 1974) повесть Георгия Семенова «Сладок твой мед». Сближает эти произведения пристальный интерес к человеку обыкновенному, даже в чем-то заурачному, оказавшемуся перед лицом испытаний, понашему в тиски нравственно-этической коллизии в пределах своей «домашней», сугубо личной жизни.

«Сладок твой мед» — «внутреннее действие» сопряжено с изображением переживаний «добропорядочного» сельского парня, чуть не названного женой и со страхом ошунтвшего, как сама возможность измены, вторгшаяся в его жизнь, лишила его покоя и душевной гармонии, осложнила отношения с дорогими и близкими людьми. В конце повести герой и автор справедливо размышляют о совете, который «может быть только большой, ибо это большое место души, и если оно встает стеной здоровому, то человек потеряет совесть». Свои отношения к герою — супругам Перетягиным и

их другу Юсупову (непостоянный в своих привязанностях, Юсупов столкнулся с удивительной для него верностью — верностью чувству отвергнутому, даже распотанному) Г. Семенов стремится выразить в непосредственной оценке, представляющей как бы авторское кредо: он называет жизнь своих героев «обычной», «неумудренной», но очень путаной и сложной.

Именно, что глубина и значительность нравственно-этических исканий писателя всегда тесно связаны с глубиной его представлений о человеке, с полнотой тех возможностей для проявления человеческого «я», проявления его как личности, которые автор герою предоставляет (вне зависимости от того, способен ли герой по своей внутренней природе воспользоваться ими или нет). Эти искания героя всегда лежат в основе конфликта произведения и Георгия Семенова.

Итак, в повести Семенова «Сладок твой мед», Некто Монохов, уже немолодой «семейный» человек, каждый день добросовестно навешивает жене, которую задолго до родов положили в больницу, вудруг встречает в автобусе женщину, любимую им когда-то, и, позабыв про все на свете, следует за ней, попадая в обстоятельство нелепые и даже унизительные. Повествование ведется от третьего лица, но все этапы приключения Монохова и Аси, страждущих по поводу и на протяжении поисков единения, предстают как бы через призму восприятия героя. Тонкость психологических наблюдений позволяет А. Битову избежать опасной стези морализаторства: ведь сам характер переживания героя, его отбор, за которым все время ощущается пристальный взгляд автора, уже несет в себе нравственную оценку изображаемого.

Точно так же переживания Веры, жены Перетягина, сводятся к тем радостям и огорчениям, которые приносит ей мир вещей, быт, повседневные заботы: покупки новой юбки, выбор «Москвички», необходимость скорее отдать долг, унизительный разговор с соседом, вымогающим деньги на выпивку. Удивительно, что именно такая Вера, для которой быт определяет не просто внешнюю сферу действия, но и масштаб внутренней жизни, сравнивается с образом боготатери на иконах, объявляется носителем правды и строгого суда, воплощением эстетического нравственного начала. Так думает о Вере ее муж Перетягин, но возражения вызывают не суждения автора, фиксирующего эти рассуждения с явным сочувствием и полным согласием. Или, может, это все та же попытка показать неумудренное и сложное, низкое и высокое в их буднич-

ной мере чувств. Самым «острым» моментом в жизни Перетягина становится та нелепая ситуация, которая возникает во время его встречи со случайной знакомой Леной в маленькой одесской квартире, рождающая в душе героя целый комплекс переживаний, о которых противоречиво, но слишком метко и сурово, а потому не могут стать источником ни большого душевного потрясения, ни нравственного открытия.

В повести Г. Семенова «Сладок твой мед» «внутреннее действие» сопряжено с изображением переживаний «добропорядочного» сельского парня, чуть не названного женой и со страхом ошунтвшего, как сама возможность измены, вторгшаяся в его жизнь, лишила его покоя и душевной гармонии, осложнила отношения с дорогими и близкими людьми. В конце повести герой и автор справедливо размышляют о совете, который «может быть только большой, ибо это большое место души, и если оно встает стеной здоровому, то человек потеряет совесть». Свои отношения к герою — супругам Перетягиным и

полной мере чувств. Самым «острым» моментом в жизни Перетягина становится та нелепая ситуация, которая возникает во время его встречи со случайной знакомой Леной в маленькой одесской квартире, рождающая в душе героя целый комплекс переживаний, о которых противоречиво, но слишком метко и сурово, а потому не могут стать источником ни большого душевного потрясения, ни нравственного открытия.

Точно так же переживания Веры, жены Перетягина, сводятся к тем радостям и огорчениям, которые приносит ей мир вещей, быт, повседневные заботы: покупки новой юбки, выбор «Москвички», необходимость скорее отдать долг, унизительный разговор с соседом, вымогающим деньги на выпивку. Удивительно, что именно такая Вера, для которой быт определяет не просто внешнюю сферу действия, но и масштаб внутренней жизни, сравнивается с образом боготатери на иконах, объявляется носителем правды и строгого суда, воплощением эстетического нравственного начала. Так думает о Вере ее муж Перетягин, но возражения вызывают не суждения автора, фиксирующего эти рассуждения с явным сочувствием и полным согласием. Или, может, это все та же попытка показать неумудренное и сложное, низкое и высокое в их буднич-

Еще хотелось бы пожелать, чтобы наша современная литература глубже вторгалась в жизнь. Вот здесь висит лозунг «СОБТ». Это система обеспечения бездефектного труда. Но ведь и тут не обходится без конфликта! Я убежден, что литература должна воспитывать в человеке мужество, надо показывать динамику роста героя, его развитие от плохого к лучшему, возбуждая у людей интерес к жизни, к работе, к культуре. Г. МИТИН. Мне кажется, сложилась интересная ситуация, когда профессиональная литература обрела о капитуляти перед производственной темой, а профессиональный инженер «не принял» эту капитуляцию. С инженером М. Войханским я согласен, а вот категорическое высказывание А. Адамовича мне показалось странным. Здесь выступал грузинский писатель Гурам Пайджинидзе. Металлург по образованию

Еще хотелось бы пожелать, чтобы наша современная литература глубже вторгалась в жизнь. Вот здесь висит лозунг «СОБТ». Это система обеспечения бездефектного труда. Но ведь и тут не обходится без конфликта! Я убежден, что литература должна воспитывать в человеке мужество, надо показывать динамику роста героя, его развитие от плохого к лучшему, возбуждая у людей интерес к жизни, к работе, к культуре. Г. МИТИН. Мне кажется, сложилась интересная ситуация, когда профессиональная литература обрела о капитуляти перед производственной темой, а профессиональный инженер «не принял» эту капитуляцию. С инженером М. Войханским я согласен, а вот категорическое высказывание А. Адамовича мне показалось странным. Здесь выступал грузинский писатель Гурам Пайджинидзе. Металлург по образованию

Еще хотелось бы пожелать, чтобы наша современная литература глубже вторгалась в жизнь. Вот здесь висит лозунг «СОБТ». Это система обеспечения бездефектного труда. Но ведь и тут не обходится без конфликта! Я убежден, что литература должна воспитывать в человеке мужество, надо показывать динамику роста героя, его развитие от плохого к лучшему, возбуждая у людей интерес к жизни, к работе, к культуре. Г. МИТИН. Мне кажется, сложилась интересная ситуация, когда профессиональная литература обрела о капитуляти перед производственной темой, а профессиональный инженер «не принял» эту капитуляцию. С инженером М. Войханским я согласен, а вот категорическое высказывание А. Адамовича мне показалось странным. Здесь выступал грузинский писатель Гурам Пайджинидзе. Металлург по образованию

Еще хотелось бы пожелать, чтобы наша современная литература глубже вторгалась в жизнь. Вот здесь висит лозунг «СОБТ». Это система обеспечения бездефектного труда. Но ведь и тут не обходится без конфликта! Я убежден, что литература должна воспитывать в человеке мужество, надо показывать динамику роста героя, его развитие от плохого к лучшему, возбуждая у людей интерес к жизни, к работе, к культуре. Г. МИТИН. Мне кажется, сложилась интересная ситуация, когда профессиональная литература обрела о капитуляти перед производственной темой, а профессиональный инженер «не принял» эту капитуляцию. С инженером М. Войханским я согласен, а вот категорическое высказывание А. Адамовича мне показалось странным. Здесь выступал грузинский писатель Гурам Пайджинидзе. Металлург по образованию

ЧИТАЯ

Асю, Монохов спешит сравнить эту реальную, сидящую рядом с ним в автобусе женщину с ее образом, который остался в его душе с давних пор. Этот образ для Монохова складывается лишь из звуков Асиного голоса, характерных жестов, улыбок, манеры произносить те или иные слова. Но чем была Ася для героя в прошлом, какой нравственный след оставила она в его жизни, каким душевным опытом стала для Монохова их былая любовь — об этом почти ничего не говорится. И хотя сам по себе внутренний облик Аси — предприимчивый, цепкий, не очень щепетливый в вопросах морали — раскрывается Битовым достаточно выразительно, сам герой в своем отношении к этой когда-то любимой, потом утраченной и вновь встретившейся на его пути женщине остается лишь на уровне тонко

А Павел Нилин, вырывая своего героя из тисков быта, сталкивает его со всей бедностью, бесконечностью чувств, любви, которое, повторяясь миллион раз, для каждого человека всегда бывает открытием, которое неподвластно одному рационалистическому объяснению. И хотя герой рассказа «Дурь» имеет вполне конкретный, индивидуальный облик, очерченный очень выразительно, мы понимаем, что речь идет не просто о страданиях шофера Касаткина, о тайне его сердца, которое он сам никак не может постичь, но о тайне человеческого сердца вообще, не поддающегося раю и навсегда установленным меркам и принципам. Выходя за рамки бытовой, «аудиторной» истории, хотя именно она и лежит в основе рассказа, П. Нилин полемизирует с упрощенным представлением о личности, изображая с мягкой иронией и старичка-лектора, советующего Касаткину повысить образовательный уровень и читать Достоевского и Толстого («тоже неплохо писал о семейной жизни»), и начальника, который, обвиняя героя в отсутствии трудолюбия, житейского опыта (подобостролом не бывал, сухарь в душе не размачивал), объявляет все его переживания просто вурье. Ласковой и сочувственной иронией окрашен и образ героя-рассказчика, что позволяет автору избежать мелодраматизма и в то же время сохранить всю напряженность конфликта.

Степень этического и эстетического осмысления этого конфликта непосредственно связана с тем, что увидел автор в герое, о чем хотел он нам поведать, то есть с выбором аспекта человеческих отношений, проявлений человеческого «я». Именно сам момент выбора, точнее отбора, является в искусстве той точкой, где смыкаются «что» и «как»; где с наибольшей определенностью проявляется взгляд писателя на человека и мир.

И там, где писатель вступил в конфликт с действительностью, сумел глубоко исследовать множественные, сложные связи личности с обществом, — там во внешне обиходных ситуациях раскрывается внутренний мир человека.

И там, где писатель вступил в конфликт с действительностью, сумел глубоко исследовать множественные, сложные связи личности с обществом, — там во внешне обиходных ситуациях раскрывается внутренний мир человека.

С. ФИЛОШКИНА ИСПЫТАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ... ИХ РОЛЬ ВО ВСЕСТОРОННЕМ РАСКРЫТИИ ПИСАТЕЛЕМ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ, НАД ЭТОЙ ПРОБЛЕМОЙ РАЗМЫШЛЯЕТ КРИТИК, АНАЛИЗИРУЯ НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ П. НИЛИНА, А. БИТОВА И Г. СЕМЕНОВА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛАХ «НОВЫЙ МИР», «ЗВЕЗДА», «НАШ СОВРЕМЕННИК».

НАШ СОВРЕМЕННИК

Дворецкого делается это тонко, то в повести Липатова инженер Прунчатов прямо говорит: мне позволено то, что не позволено человеку заурачному; я справляюсь со своей основной функцией, все остальное не имеет значения. Такого рода рассуждения походятся в пьесе «Сталевары» не только тем, что главный герой берет бульдозер и сносит палатку, но, по существу, только в том, что заводской инженер на этом заводе пробыл много тоды и отдавал всего себя работе.

Тему научно-технической революции нужно толковать шире. В нее вписываются все те явления, которые характерны для жизни современного человека, живущего в новых условиях, в новой ситуации, предлагаемой этим бурным процессом нашего времени. М. ВОЯХАНСКИЙ (на чальник КБ). Я не разделяю

пессимизма А. Адамовича. Нет, мы будем просить много писателей создавать книги о рабочих. Я не хочу сказать, что нам не нужны другие темы в литературе, но нам нужна и эта тема. Мы считаем, что важнее всего показать человека в системе современных производственных отношений, производственных отношений, потому что писатель не только инженер сегодняшних человеческих душ, но это и инженер человеческих отношений завтрашнего дня.

Хочу сказать два слова о языке современной литературы. Много писателей переводят, я читаю так же, как заметки в газете. Кроме сюжета, ничего на прочтении не остается в душе. Тогда я обращаюсь к нашим классикам: Гончарову, Достоевскому. Здесь уже совершенно другой язык. Мне хотелось бы, чтобы писатели больше работали в этом языке над своими сочинениями.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Е. В. ЛЕВАНОВСКОЙ-ЛОГИНОВОЙ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Евгении Владимировны Левановской-Логиновой секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Ваши товарищи по перу от всей души поздравляют Вас с днем рождения. Почти сорок лет назад познакомились с Вами наши читатели с Вашим первым романом «Ночная смена». Вы подарили читателям много рассказов, очерков, повестей, романов, полных гуманизма, патристичности, чуждым не только в первые дни Великой Отечественной войны, оставив аудитории Литературного института, но и на фронте. На своем маршем участие — под Москвой, Позднее, уйдя на фронт, Вы написали роман «Параван зима», о том, что довелось Вам увидеть, пережить в эти суровые дни. Вы, медсестра, сестра, Вы несли на своих плечах много бойцов и командиров, дружили с ними и жили, в строй освобожденцев.

Давно отгремела война. Но Вы не забыли тех, с кем шли по фронтовым дорогам. Вы — членство в Союзе писателей, посещая их беспрерывно. Ваши товарищи по перу высоко ценят Ваш боевой путь и писательский труд. Желаем Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья и новых творческих успехов. Поздравляем юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

П. А. ДЕГТЯРЕВУ — 60 лет

С шестидесятилетием со дня рождения. Мы знаем и высоко ценим Вас как активного пропагандиста классической и современной украинской литературы, талантливого переводчика на русский язык произведений М. Коцюбинского, И. Нечуй-Левицкого, А. Гоголя, В. Куцера и ряда других писателей украинского народа. Ваше видение истории, Ваше творческое исследование в содружестве с Р. Вулем «О Литературе и культуре Украины» высоко оценено читателями и критикой. Вы постоянно ведете активное общественное участие в правлении и партийной организации драматического областного отделения Союза писателей Украины.

Всей душой желаем Вам доброго здоровья, новых успехов, новых творческих успехов. Сердечно поздравляем Вас

И. С. САВИЧУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе и культуре поздравляют юбиляра и направляют Павлу Андриановну Дегтяреву приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас с шестидесятилетием со дня рождения. Мы знаем и высоко ценим Вас как активного пропагандиста классической и современной украинской литературы, талантливого переводчика на русский язык произведений М. Коцюбинского, И. Нечуй-Левицкого, А. Гоголя, В. Куцера и ряда других писателей украинского народа. Ваше видение истории, Ваше творческое исследование в содружестве с Р. Вулем «О Литературе и культуре Украины» высоко оценено читателями и критикой. Вы постоянно ведете активное общественное участие в правлении и партийной организации драматического областного отделения Союза писателей Украины.

В. Д. ТОРДУА — 60 лет

Мы знаем Вас как тонкого новеллиста, автора публицистика и очерков, автора многих книг. В Вашем творчестве раскрываются богатый духовный мир нашего современника, героизм советских людей в Великой Отечественной войне и в дни мирного социалистического строительства.

Вы прошли славный жизненный путь. Вы были активным участником Великой Отечественной войны, где в грозные дни 1942 года на поля боя были приняты в ряды Коммунистической партии. Ваши заслуги перед Родиной высоко оценены Советским правительством. Вы награждены орденом Красной Звезды и многими медалями.

Желаем Вам долгих лет жизни, счастья, новых творческих успехов.

Г. С. ЛЕВУТИНУ — 50 лет

В связи с 50-летием со дня рождения Глеба Савельевича Левутина секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по художественному переводу направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с днем 50-летия. Мы знаем Вас как одного из активных пропагандистов классической и современной литературы дружественного нам венгерского народа и высоко ценим Ваш вклад в укрепление наших культурных связей с социалистической Венгрией. Ваши труды и прежде были высоко оценены читателями и критикой. Мы высоко ценим Ваш труд и открытие новых творческих успехов. В день юбилея желаем Вам крепкого здоровья, наутра нового труда и исполнения новых Ваших замыслов.

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ИНТЕРВЬЮ «П»

НОВЫЕ ИМЕНА

В Доме творчества «Переделкино» под Москвой начал свою работу творческий семинар писателей — очеркистов и публицистов, организованный СП РСФСР совместно с ЦИПК. Руководителем семинара, председателем Совета по развитию художественной журналистики СП РСФСР Георгий РАДОВ высказался:

«Семинар — первое крупное дело, затеянное нашим советом. И в нем принимают участие более сорока молодых писателей, работающих в этом боевом жанре. Приехали литераторы из Ленинграда, Москвы, Кеморова, Тюмени, Томска, Владивостока, Иркутска, Магадана, Воркуты, Уфы, Казани, Ростова, других городов республик. Есть и москвичи.

Волнующее участников семинара привлекло к своей работе, созданию, что называется, наперед нам нравящихся. Равиль Валеев, например, прежде чем закончить очерки о КамАЗе, сам строил авторград, Дмитрий Рехин, машинист компрессора из Воронежа, пишет о людях, с которыми рука об руку трудятся и сейчас. Герои очерка судорожно пытаются изобрести — люди Владивостокского порта Сибирский журналист Николай Смирнов, задающийся книгу о нефтяниках Самойлова, работает в буровом управлении. О шестом своем товарище пишет Виктор Илюхино, шофер стальной «Скорой помощи». Столько интересных материалов обладает Борис Тур...

ЖУРНАЛЫ

ДВИЖЕНИЕ жизни — движение литературы... Столь бесспорную истину приходится напоминать только потому, что в литературе постоянно возникают все новые проблемы и коллизии, а критики порой, не замечая этого, припадают к новым явлениям старые мерки, своего рода универсальные формулы. Тому или иному произведению подчас предъявляют претензии, не то чтобы утратившие свою актуальность, но имеющие к этому произведению если далекое отношение. Если говорить более резко, критическое исследование уступает место монтажу привычных стереотипов. Особенно досадно бывает, когда эти нехоти так или иначе дают о себе знать в статьях опытных критиков, давно уже активно работающих в трудном и ответственном виде литературы. Остановилось на нескольких более или менее свежих примерах.

В СТАТЬЕ Г. БРОМАНА «Духовные ресурсы современной критики» («Вопросы литературы», № 2, 1974) о многом сказано справедливо и своевременно. Здесь привлекают и общая постановка вопроса, и та искренность, с какой автор говорит о слабо еще используемых возможностях критики, и немалый полемический заряд, обращенный против «естественной прямоточности», «затасканных формул», «стертых слов», и личностное, заинтересованное отношение к важному предмету разговора. Словом, достоинств в статье немало. Тем не менее по следующему совету критика, не без оснований полагающего, что «добрые чувства выражаются не в медоточности, а в благожелательном и нелицеприятном слове правды». Именно поэтому хочу сослаться на них.

Одним из центров статьи «Духовные ресурсы современной критики» стали рассуждения о таланте и его направленности, об объективности критики, призванной внимательно следить за развитием дарования писателя. Целком согласен с таким утверждением автора статьи: «...если критика хочет заслужить уважение писателя и оказать действительную помощь ему и вместе с тем всей литературе, равно как и читателям, она должна внимательно, вдумчиво подходить к художественному произведению, не подводящее соблазну делать скороспелые выводы». К сожалению, это верное утверждение входит иной раз в решительное противоречие с тем, что критики, какими оперирует автор. В частности, думается, нельзя согласиться с его интерпретацией пьесы Василия Белова «Над светлой водой», опубликованной в прошлом году в журнале «Наш современник».

Эта пьеса дала критику повод обосновать направленность дарования В. Белова. Г. Броман считает, что писатель «продерживается «новаторской» концепцией», ибо в его пьесе звучат вот какие мотивы: «антагонизм города и деревни, высокая нравственность сельских людей и бездуховность призраков».

В обоснование такого взгляда Г. Броман приводит обширную выдержку из статьи З. Кедринной «Что человеку надо», опублико-

вают такие детали ушедшей жизни, как, скажем, «темноватая коммуналка на Малой Бронной». Но, спрашивается, о какой такой «ностальгии» может идти речь, если «темноватая коммуналка» уступает место современной благоустроенной квартире? Вот и получается, что «право на ностальгию» имеют одни герои и совершенно лишены его другие.

Автору этих заметок, как и многим другим критикам, доводилось выступать против идеализации патриархальной старины. Сейчас я могу только повторить слово одной мудрой книги: «Еще писах, писах». Но одо дело — идеализация патриархальщины и совсем другое — благодарная память о родных местах, о старом доме, с которым так много связано в жизни каждого человека. В том, что герой В. Белова хранит память о прошлом, нет ничего зазорного. Оленческие тона, в которые окрашены некоторые произведения писателя, в том числе и пьеса «Над светлой водой», еще не дают основания для того, чтобы утверждать, будто В. Белов говорит «по-

прежде всего их недостаткам и заключает, что писатель «выразительно показал», как не надо писать. Здесь прежде всего нельзя не обратить внимания на общность тех обвинений, какие разные критики предъявляют разным писателям. З. Кедринна, как мы видели, упрекает В. Белова за следование «лучшим» образцам расхожей беллетристики. В Кардин же полагает, что В. Васильев не пользуется «беллетристическими средствами, условно-подозвонными синонимичной книжной модой». Не получается ли так, что эти упреки в свою очередь становятся своего рода модным стереотипом, только не беллетристическим, а критическим?

Не только выбор тем, но и некоторые аспекты их решений вызывают недовольство критика. Взять хотя бы все то же пресловутое противопоставление деревни городу, которое, как полагает В. Кардин, играет далеко не последнюю роль в мироощущении и поведении героя В. Васильева. Оказывается, писатель в «Самом последнем дне...» «легко и

блещет... «нет» научно-техническому прогрессу. Из текста пьесы во всяком случае этого не следует. Зато есть в ней немало такого, чего критики не захотели увидеть. Ну, например, стремление разобраться в диалектической взаимосвязи различных, нередко противоречивых жизненных обстоятельств. Об этом говорит один из персонажей, протестуя против однозначного, схематичного подхода к жизни: «И вообще, как мы привыкли? Это у нас плюс, это минус, тут черное, тут белое...».

Слова эти не худо помнить всем нам. Пьеса В. Белова «Над светлой водой» имеет свои недостатки. Но к определенности природы этих недостатков, разумеется, надо подходить не с готовыми стереотипами, а тщательно анализируя само произведение.

СЛЕДОВАНИЕ критическим стереотипам в значительной мере определяет и методологию статьи В. Кардина «О лебедях и «лебдушках» («Новый мир», № 2, 1974). В этой статье рассматриваются повесть Бориса Васильева «Самый последний день...» и роман «Не стреляйте в белых лебедях», сделана попытка охарактеризовать особенности творческого почерка писателя, так успешно дебютировавшего повестью «А зори здесь тихие...» Рассматривая эти произведения, критик отмечает

во многом суетно коснулся традиционной дилеммы «город — деревня». В подтверждение этого мнения критик ссылается на раздумья героя повести — младшего лейтенанта милиции Семена Митрофановича Ковалева: «Мерзнет душа человеческая при центральном отоплении, мерзнет, ледяной покрывается».

Этих мыслей героя, выданных вполне конкретным жизненным случаем, оказывается достаточно для того, чтобы было сформулировано «глобальное» обобщение, звучащее с нескрываемым сарказмом: «...младший лейтенант милиции постиг гугубу современной жизни». Вот и предстает чуткий и человечный Ковалев мрачным обскурантом, к которому критик считает своим долгом обратиться с суровым напутствием: «Не крестьянскому сыну Ковалеву подпадать таким песенкам, звучащим в лихих коммунальных городских квартирах... Но в том-то и дело, что Ковалев и не подпадает! Ведь мерзнет-то одна единственная душа неприкаянная! Атмосфера Павловны, и об устройстве судьбы этой запавшейся и доброй женщины думает Ковалев. Конечно же, ему и в голову не могла бы прийти мысль о душевном холоде у центральной отоплении и в квартире профессора Артема Иванювича, и во дворе шумных

Поскольку белорусские писатели проходят как раз этот круг: из деревни — в город. Когда еще мы доберемся до интергальной схем? Большие темы надо решать внутри, это верно. И все-таки все мы теперь, в наш век научно-технического прогресса, должны работать с поправкой на время. Должен это и белорусский поэт. В стихах А. Куценкова, М. Танка, П. Панченко мы видим митрофановские поэты — современника НТР. А бывает, что стихотворение делается прямо на материале НТР, да не всегда удачно. Недавно и прочел одно такое стихотворение

Разговор за «круглым столом» закончен. Каковы же первые впечатления от него? Наш взгляд, диалог писателей и работников завода оказался интереснее прежде всего для литераторов. И вот почему. Рабочие, инженеры, руководители современного производства в своих содержательных выступлениях рассказали о конкретных проблемах НТР, об аспектах ее воздействия на заводскую коллекцию и судьбы отдельных людей и о многом другом, что стало материалом для писательских раздумий. В частности, представляется особенно существенным высказывание участником встречи о влиянии НТР на психологию людей и формирование коллектива, о высоком уровне культуры современного рабочего, о проблемах воспитания молодой смены, о реальности и глубине конфликтов, об интересе читателей прежде

всего к человеческой, то есть общественной сути конфликта в произведениях на производственную тему.

За «круглым столом» шел принципиальный и конкретный разговор о литературе, посвященной рабочему классу, о ее достижениях, о тех типах, в которых нашли отражение существенные черты времени. Наряду с этими инженеры и рабочие завода выразили о характерных слабостях, присущих виду произведения писателей и критиков. Вместе с читателями писатели и критики размышляли о путях создания новых книг, отвечающих всем требованиям современности.

Теперь же, когда мы уже знаем о том, что наша критика все энергичнее борется за свои авторитет, за уважение к себе. Это уважение возможно только при глубоком и вдумчивом подходе к каждому литературному явлению. При этом условии, если мы будем судить о произведении, лишь исходя из его собственных достоинств и недостатков, а не прибегать к сложившимся стереотипам.

МЫ СПРАВЕДЛИВО говорим о том, что наша критика все энергичнее борется за свои авторитет, за уважение к себе. Это уважение возможно только при глубоком и вдумчивом подходе к каждому литературному явлению. При этом условии, если мы будем судить о произведении, лишь исходя из его собственных достоинств и недостатков, а не прибегать к сложившимся стереотипам.

МЫ СПРАВЕДЛИВО говорим о том, что наша критика все энергичнее борется за свои авторитет, за уважение к себе. Это уважение возможно только при глубоком и вдумчивом подходе к каждому литературному явлению. При этом условии, если мы будем судить о произведении, лишь исходя из его собственных достоинств и недостатков, а не прибегать к сложившимся стереотипам.

МЫ СПРАВЕДЛИВО говорим о том, что наша критика все энергичнее борется за свои авторитет, за уважение к себе. Это уважение возможно только при глубоком и вдумчивом подходе к каждому литературному явлению. При этом условии, если мы будем судить о произведении, лишь исходя из его собственных достоинств и недостатков, а не прибегать к сложившимся стереотипам.

МЫ СПРАВЕДЛИВО говорим о том, что наша критика все энергичнее борется за свои авторитет, за уважение к себе. Это уважение возможно только при глубоком и вдумчивом подходе к каждому литературному явлению. При этом условии, если мы будем судить о произведении, лишь исходя из его собственных достоинств и недостатков, а не прибегать к сложившимся стереотипам.

МЫ СПРАВЕДЛИВО говорим о том, что наша критика все энергичнее борется за свои авторитет, за уважение к себе. Это уважение возможно только при глубоком и вдумчивом подходе к каждому литературному явлению. При этом условии, если мы будем судить о произведении, лишь исходя из его собственных достоинств и недостатков, а не прибегать к сложившимся стереотипам.

МЫ СПРАВЕДЛИВО говорим о том, что наша критика все энергичнее борется за свои авторитет, за уважение к себе. Это уважение возможно только при глубоком и вдумчивом подходе к каждому литературному явлению. При этом условии, если мы будем судить о произведении, лишь исходя из его собственных достоинств и недостатков, а не прибегать к сложившимся стереотипам.

МЫ СПРАВЕДЛИВО говорим о том, что наша критика все энергичнее борется за свои авторитет, за уважение к себе. Это уважение возможно только при глубоком и вдумчивом подходе к каждому литературному явлению. При этом условии, если мы будем судить о произведении, лишь исходя из его собственных достоинств и недостатков, а не прибегать к сложившимся стереотипам.

РАБОЧИЙ...

ини прежде всего силу воспитания. Человек завода ратонал за литературу, которая помогла бы воспитывать заводские кадры.

Мы имели интересную беседу на заводе с заместителем начальника СКП В. Новшине, и он говорил о своем увлечении литературой военной темы. Его, инженера, оказывается, меньше интересует тема производства. Не потому ли это происходит, что многие книги о рабочем классе лишены тускло и не обладают должной силой эмоционального воздействия на читателей?

В. ВИВКОВ (ученик слесаря, 18 лет). В книгах на тему НТР образы рабочих часто до того схематичны, до того просты, что не вызывают уважения. На заводе же я увидел, что здесь люди занимаются не только производством, они участв, любят и знают искусство. Научно-технический прогресс не лишил их

духовности. Мне, может быть, повезло: я попал на такой участок производства, где все возводилось заново, и мне, в частности, пришлось делать много экспериментов, чтобы ввести детали в поток. Я хорошо знал физику, математику, что мне и помогло. И это еще раз подтверждает: рабочему нужно иметь десятилетнее образование!

Меня работа радует, и я вообще хочу сказать, современная действительность более позитивна, чем в иных книгах. Реальность в них слишком приземленная, нет настоящей жизни.

А. САВИЦКИЙ. Вчера мы были на заводе холодильников, сегодня — на заводе ЭВМ. Мы видели молодых рабочих за работой на конвейере и поняли, что плохо знаем рабочего человека, еще хуже разбираемся в сути того, что называется научно-технической революцией. Однако и наука, и техника

М. АРОЧКО. Почти все мы, как и старшее поколение белорусских писателей, выходящих из деревни,

В ЭТОП заметна речь полей... Твардовского. Почему именно о двух — я поясню позже.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла. И доле в тоске.

(А как лихо переключаются эти «полки» и «полном!») И далее — буднично, просто:

М ЕН Я. признаюсь, встретившись и заставили задуматься слова работника секции художественной литературы «Дома книги»...

ожиданных обстоятельств, их стечения. Чем, например, объяснить недостаточную широкую популярность двух больших поэтов — армянского поэта Амо Саяна или татарского поэта Хасана Туфана?

Может быть, слово «популярность» здесь менее всего подходит. Популярность может быть любой поэт, даже поэт среднего дарования.

Что бы я, не критик, мог сказать по этому поводу? Думаю, здесь налицо прямая связь: средних поэтов переводят с-д-дние переводчики.

Вот такое стихотворение стоит в книге — перед тем, великим. Ну, а следом за ним? Там тоже хорошие стихи.

Вот этот призыв принять участие в обсуждении и заставлял меня встать за перо. Думаю, мне, поэту, не известно русскому читателю, легче вести разговор по затронутым вопросам, чем поэту известному.

НАД ЛЮБИМОЙ СТРОКОЙ

Константин ВАНШЕНКИН

Вот строчки из письма, присланного а редакцию из Волгограда. Это автор — И. Скорникова, учительница литературы.

В пилотке мальчик босногий С худым запяточным

Привал устроил на дороге, Чтоб закусить сухим пайком.

Горбушка хлеба, Всеми картошки — В сумку суровый вес и смет.

Стремглав попутные машины Пронесут пыльные борта.

И на лице, в глазах, Досады движущая тень.

И как им спрашивать не лень, В лицо тебе серьезно.

Еще он медлит рот открыть, — Му, сирота. — И тотчас: Ты лучше дел бы — Дядя.

Вот строчки из письма, присланного а редакцию из Волгограда. Это автор — И. Скорникова, учительница литературы.

И на деле оказалось не так. «Я убит подо Ржевом» было завершено в 1946-м, а «В тот день, когда оканчивалась война» написано лишь в 1948 году.

Такой образ, из названий много стихотворений, появилось непосредственно во время войны, в 1943 году.

Но характерно, что и здесь дистанция во времени соблюдена: речь в стихах идет о событиях еще финской кампании, и даже прямо указано — «в сороковом году».

Иногда это стихотворение самым сильным из всех, написанных на войне. Оно поражает своей пронзительной печалью, философской и человеческой глубиной.

Этот стихотворение — обшпринципный шедевр, его все знают, о нем не раз писали, его много цитировали.

И в книге — перед ним и после — стоят тоже замечательные стихи, соседствуя с этим, выдающимся. Но они как бы находятся в его тени или, напротив, ослеплены его светом.

И, дорисовав это картину, поэт говорит со вздохом, с грустью:

АНФАС В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

«Теркина», написанной, как известно, в первый мирный день, поэт признается:

Или будто оглушенный в наступившей тишине, Смякнул я, левец смущенный, Петь привычную на войне.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Или будто бы пить подползала и рана... И на допозла.

Степан ЩИПАЧЕВ

Это слово

Хочу, чтоб, как тогда в глухих зарницах, в борьбе, взметнувшей флаги огнава...

Не зря, хотя и с привкусом металла, у Белоянниса перед расстрелом оно в рука Цветком гвоздики стало.

* Расстрелянный греческий коммунист.

Геннадий БУРАВКИН

Минский трюнный

Перед сотней городов, перед тысячей тихих весей у меня неоплаченный долг самой лучшей моею песней.

Когда отгрохочут трамваи и самосвалы, огонь западный погаснет в последнем окне, по Минску пройдет задумчиво Янка Купала,

Он довоенные липы нахвывает тишиной, а в зорю застывает хочет найти на проспекте, сорок первого горький дым.

Я за руку веду тебя, минчанин, трехлетний мой белоголовый сын. И ты, и Минск мне видите ночами за синей дымкой.

Я грею вас на самом дне души... И если к слову не найду я двери, ты сам, сынок, о Минске напиши...

Перевел о белорусского Г. КУРЕНЕВ

Николай ЗИНОВЬЕВ

Че Гевара

В Сантьяго снят с постаментов и отправлен на переплавку памятник Эрнесто Че Геваре.

...Че Гевара питают снами. Что вы мучаете металл? На костре, над разгулом псовым он молчит, как живой молчал.

Эй, гестаповец в каске новой, отмуштрованный сатаной, отольются тебе санцово капли крови — все до одной!

Хута БЕРУЛАВА

Рица

В бессмертье убедилась. Туда, где стнет Рица, Взойди, чтоб до земли природе поклониться.

Празднество в честь Важа Тшавелы

Чаргали торжествует день Важа... Какой прекрасный день, высокий, чистый! Придем к Важа, чья песня в нас жива.

Варазскеви. На скале бесплодной Дом возведен — возвышенный уют. И люди здесь добры и благородны.

Кажой волшебник выкрикнул сперва Основу песни — душу человечью? Кто понял первым — птица, луч, листва?

Перевел с грузинского Ю. ПИЩЕНЦЕВ

Владимир СОКОЛОВ

Мужская школа

Ты сочиняешь песни на скамейке Из первых листьев, ветра и воды.

Твоей души воздушные тревоги Ты воплотил в воздушные слова, Почти забыл по младости дороги.

Мешочек пыльный сжав, и я немножко, Став на колени, той хлебнул воды.

«Слышали? Гром!.. По качеству раскатов На этот раз гроза...» — сказал солдат.

Сошел с дороги, в поле صورتю. И мы! И мы! Окоп на пашне рою.

Врасплох захваченному давней былью, Быть может, мне и не к лицу слеза,

Юнна МОРИЦ

Но этой горькой, этой таящей пылью Я еще в детстве засорил глаза.

И сплунул. И хоть Борька испугался Моей внезапной бледности лица.

Потом походной кухонкою нашей Подъехал вечер, духовит и тих.

Товарищи... Мы с вами пили-ели. От тех костров есть в сердце уголек.

Рассказывали, ладя маскировку, О городах, о селах, о боях.

Я буду рад, слегка отъехав, Что Дом, не зная почему.

Здесь были мы других не хуже. Нам было по семнадцать лет.

И вишни, близкие к удару, Шумели в лад, вбежав во двор.

Исполняя под гитару Сквозной мотив из «Трех сестер».

...Машинка, как сороконожка, Все, что угодно, перешьет...

А Дом подлетит немножко И Автора переживет.

Прощайте, Машенька, прощайте! Живите с веком наравне.

Я обращаюсь к тебе удаленной, Годами находящейся в отлучке,

Я обращаюсь к холоду и зною, К любви я обращаюсь и к измене,

И, разговаривая с этой тенью, Ты понимаешь, милая, сама — Я до сих пор живу в недоуменье:

Пусть я довольствовался малым: Надземным небом и самой Подверженной божьей, и шквалам,

Из глубины, из бесконечной Сердечной, тайной глубины Глаза задумчивости вечной На Млечный Путь устремлены.

Семен ЛИПКИН

Из военных воспоминаний

1. Сталинград за полгода разрушен, Но, вернувшись сюда в февралье, Мы узнали, что прах не бездушен,

2. В памяти, даже в ее глубочайших провалах, В детской поре или в поздних годах войны,

Можно забыть очертания букв полустертых, Можно и море забыть и, забыв, разлюбить,

АПРЕЛЬ Фото И. КАЛЬВЯЛС

Георге ВОДЭ

Колос

В ладонях спелый колос разотру И вдруг прозрею! И на миг замру

Уходила женщина, Слово с поля — осень С легкою улыбкой —

Юнна МОРИЦ

Наполнены снегом на скверах Гранитные вазы.

Дома укрепились и речка — От белого цвета.

Свободно вливается в сутки Раздарила детям Красоту и гордость

Но как без единой зацепки Полощут сознание потоки, где лодки, и щепки,

И все это сочно и густо, ничто не бесплодно. И свет тепло-красного чувства играет свободно.

Сад

Ложбину окисляет зелень сада — Отсюда возраст медного сосуда,

И темный сок в ложбине меж строками В мой замысел такую вносит ясность,

Такой развес, такой расклад обилия, Что груз, в котором сад и наши судьбы, Был поднят без освоенных усилий,

Так на весах младенцев негодный Протоchiniм глазами омывает Врачебный зал. И свет картины этой Наличность крыльев подразумевает,

ПУЛЬС НЕДЕЛИ

БРЮССЕЛЬСКИЙ ФОРУМ

В столице Бельгии с 5 по 7 апреля проходила сессия Международного комитета за европейскую безопасность и сотрудничество. В ее работе участвовали представители национальных комитетов почти тридцати стран, а также посланцы ряда международных неправительственных организаций. Делегацию Советского комитета возглавлял его председатель А. П. Шитиков, Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР.

Открыл этот представительный форум член секретариата Международного комитета бельгийский каноник Р. Поор. Участники сессии обсудили меморандум «Положение в Европе и международная обстановка в начале 1974 года» и проект декларации.

В ходе дискуссии выступавшие отметили уже достигнутые успехи в укреплении европейской безопасности и дальнейшей активизации общественного движения в поддержку скорейшего завершения общеевропейского совещания. Многие ораторы выразили озабоченность тем обстоятельством, что определенные силы на Западе не прекращают попытки затормозить работу этого совещания. Об этом, в частности, говорил и глава советской делегации А. П. Шитиков. Общественность Европы, подчеркнул он, испытывает законное беспокойство в связи с попытками помешать углублению и расширению разрядки на нашем континенте, создать неблагоприятную обстановку вокруг общеевропейского совещания. Оратор привел в связи с этим слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев, произнесенные им на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве, о том, что «идеальнее расширение подталкиваемой агрессивными кругами империализма гонки вооружений и начавшаяся разрядка международной напряженности — это два процесса, идущие в противоположных направлениях». Ораторы отметили, что в последнее время одним из центров, откуда активно пытаются помешать процессу разрядки, и в частности в Европе, стал Пекин. «Китайская пропаганда», — сказал венгерский представитель Я. Барач, — кричит о минимуме агрессивных устремлений Советского Союза и этим оказывает поддержку подстрекателям «холодной войны».

Многие из выступавших в прениях делегатов разоблачили пущенный в ход империалистической пропагандой тезис о «исгоревшем сдерживании» и подчеркивали, в частности, что улучшение советско-американских отношений имеет большое значение для успешного решения проблемы европейской безопасности.

Представители общественных сил, выступавшие на сессии, выразили чувство удовлетворения благоприятными переменами в европейском и международном политическом климате, устойчивым развитием политических, экономических и культурных связей между государствами с различным общественным строем.

Делегаты сессии приняли Декларацию, в которой выражается поддержка идеи создания после общеевропейского совещания приемлемого для всех сторон органа, который обеспечит быстрое продолжение и углубление работы, начатой этим совещанием.

Участники сессии отмечают, говорится в документе, что попытки сил, враждебных разрядке, затормозить ход работы комиссии в Женеве, создать вокруг совещания атмосферу сомнения и принизить его роль не могут не вызвать беспокойства общественности. Ничто не может оправдывать затягивания решения проблем безопасности и сотрудничества в Европе. В решении этих проблем заинтересованы все народы. Это особенно справедливо в отношении главного вопроса о безопасности и целостности границ на нашем континенте.

Итоги Брюссельского форума убедительно свидетельствуют о том, что движение европейской общественности за безопасность и сотрудничество на континенте крепнет, активизируется, становится важной силой в политической жизни Европы.

Перспективы развития советско-американских отношений стали темой беседы первого корреспондента в прессе Маршаллом Шульманом, возглавляющим также и Русский институт, не первый год существующий при этом университете.

М. Ш. Визит Киссинджера в Москву — важный шаг в процессе улучшения отношений между нашими странами. Этот процесс требует постоянных усилий. Многие проблемы, разделяющие наши страны, таковы, что требуют прямых переговоров между руководителями обеих стран.

Г. Г. Некоторые заданные обозревателем, исторические параллели, сравнения разрядки с древней вазой, которая того глядя упадет и расколется...

М. Ш. Мы должны смотреть вперед и дальше текущих трудностей. У нас уже есть двухгодичный опыт разрядки, и по многим направлениям мы ушли так далеко вперед, как недавно еще и не могли бы вообразить. Но, конечно, нам еще мешают насилие, оставшееся от периода «холодной войны». И для их преодоления требуются время.

Г. Г. Здесь можно услышать заявления о том, что США сейчас, дескать, не в лучшей форме, учитывая разрыв с западноевропейскими союзниками, а также и по другим причинам. А вывод делается такой — с разрядкой лучше подождать, чтобы занять «позицию силы».

М. Ш. У каждой страны всегда могут найтись какие-то нерешенные дела, и ждать, пока их не останутся, а до того не вступать в переговоры, — значило бы откладывать переговоры до «греческого календаря». Коренные интересы наших стран, которые приобретают характер объективных факторов, требуют продолжения диалога. У нас разная история, разное отношение к частной собственности, но все это не представляет мне непреодолимым препятствием на пути улучшения отношений.

Г. Г. Вы говорите только о «разрядке» — мы же употребляем и термин «мирное сосуществование». До недавнего времени оно в американском политическом словаре отсутствовало. И если о нем вспоминали, то только для того, чтобы тут же полемически его «разоблачить».

как коварное теоретическое «оружие», направленное против интересов Запада.

В нынешние, более разумные времена он вошел на правах важнейшей принципа в подписанной Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Р. Никсоном документ «Основа взаимности» между СССР и

Центро «сдерживания» Советского Союза. В наши дни Кеннан предлагает рассмотреть Советский Союз как равноправную великую державу, имеющую глобальные интересы. Отражает ли эволюция взглядов Кеннана также и перемену в оценках других так называемых «экспертов по советским делам»?

М. Ш. Мы действительно четверть века полагаем, что должны «сдерживать» Советский Союз. Развитие событий ставит под сомнение живучесть такой концепции. Нам было психологически тяжело примириться с утратой идеологии превосходства. Но когда и мы, и вы обладаем огромными ядерными арсеналами и возможностью испепелить друг друга, нужны правила поведения, которые не давали бы соперничеству ядерного выхода.

Нам в Америке требуется более четкое определение того, что такое разрядка. Она не означает сдвигивания соглашения между нашими странами. Она означает взаимное

понимание того, что обе стороны нуждаются в поддержке мирных отношений и в развитии сотрудничества. А нынешнем этапе главное, как мне представляется, — это обеспечить успех переговоров об ограничении стратегических вооружений на основе принципа равной безопасности.

Г. Г. Почему в первых рядах противников разрядки идет руководство АФТ—КПП Джордж Мики, выступая на заседаниях финансовой комиссии сената, даже не упоминув, что рост советско-американской торговли обеспечивает рабочим в США дополнительную занятость.

М. Ш. Возможно, такая позиция АФТ—КПП сохранится некоторое время и в будущем, но она ни в коем случае не отражает полностью позицию всего американского рабочего класса.

Г. Г. Мне шлет письма некий господин Джон Бишер — прислал уже три. Я с ним незнаком. Он возглавляет «Совет американской безопасности» и сообщает мне и

другим, кому он рассылает свои письма, будто «Америка в опасности по причине благодушия, охватывающего страну в условиях разрядки».

М. Ш. На американской политической сцене продолжают выступать персонажи из спектаклей, которые уже не идут. Они делают ставку на военные превосходство, пытаются в Советскому Союзу глубоководное недоверие и вводят в разрядку всего лишь «советский тактический ход», даже ложушку. Если последовать советам таких лиц, то очень просто вернуться к годам «холодной войны».

Опираясь на достигнутые успехи по пути улучшения советско-американских отношений. Точкой отсчета стал момент, который можно сравнить с запуском космического корабля к другой планете. Его производят, когда совпадают многие данные, и возникает так называемое «окно в небо», которое упускать нельзя, иначе придется долго ждать его возвращения. Сейчас важно сохранить «момент движения», не просто принимать формулу «мирного сосуществования», а наполнять ее конкретным содержанием.

Геннадий ГЕРАСИМОВ, корреспондент АПН и «Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

М. Ш. Мы действительно четверть века полагаем, что должны «сдерживать» Советский Союз. Развитие событий ставит под сомнение живучесть такой концепции. Нам было психологически тяжело примириться с утратой идеологии превосходства. Но когда и мы, и вы обладаем огромными ядерными арсеналами и возможностью испепелить друг друга, нужны правила поведения, которые не давали бы соперничеству ядерного выхода.

Нам в Америке требуется более четкое определение того, что такое разрядка. Она не означает сдвигивания соглашения между нашими странами. Она означает взаимное

Маршалл ШУЛЬМАН: «ИДТИ ДАЛЬШЕ ПО ПУТИ РАЗРЯДКИ!»

СЕМЬ ДНЕЙ В АПРЕЛЕ...

ФОТООБВИНЕНИЕ

У ТЮРЕМНЫХ ВОРОТ

Бесконечная очередь выстраивается по средам у ворот центральной тюрьмы в Сантьяго. Своя «женщина», справа — мужчины. Это те, кто надеется получить хоть какую-нибудь выгоду от своих родных и близких, ставших жертвой чилийских фашистов.

«Женщина бесчинствует в Чили, словно в оккупированной вражеской стране», — пишет западногерманский журнал «Штерн», откуда мы перепечатаем фотографию. — Дни и ночи продолжаются аресты — без каких-либо законных оснований. Без сообщения причин... Допросы неизбежно сопровождаются избиениями, издевательствами, пытками, издевательствами.

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

ФРАНЦИЯ: РАССТАНОВКА СИЛ

Внезапная кончина Президента Франции Жоржа Помпиду (статье проф. Н. Молчанова, посвященная его памяти, см. на стр. 14) вызвала необходимость проведения выборов нового главы государства в ограниченные сроки.

Предстоящие 5 мая выборы стали сейчас эпицентром политической жизни страны и сразу отодвинули на второй план все остальные проблемы. Если ни один из кандидатов не наберет 5 мая абсолютного большинства голосов (более 50 процентов), 19 мая состоится второй тур голосования, и тогда для избрания президента будет достаточно относительного большинства.

Основные политические партии и группировки уже сейчас определили свои позиции на предстоящих выборах.

Коммунистическая, социалистическая партии и движимые левых радикалов, подписавшие совместную правительственную программу, ясно высказались за выдвижение единого кандидата левых сил. Им будет первый секретарь социалистической партии Франсуа Миттеран.

Наличие совместной правительственной программы, подчеркнул в очередной раз пленум ЦК ФКП, которую поддержали на последних парламентских выборах одиннадцать миллионов французских избирателей, успехи союза левых сил, демократические и национальные силы, создают в стране новую обстановку. ЦК ФКП отметил, что может быть открыт путь политике, соответствующей чаяниям народа, направленной на достижение социального прогресса, демократии и мира.

Сплоченность левых сил, решительная поддержка им единого кандидата ставит в

КИТАЙ СЕГОДНЯ

Философия жизни по Мао

В ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» и восхваления императора Цинь Ши-хуана быстрое превращение еще одного обвинения. Оказывается, Линь Бяо жил и действовал в соответствии с принципами «феодалов» — Конфуция и Мэн-цзы.

«Жизнь жибяо» так прямо и заявил: «Конфуций и Мэн-цзы проповедовали жибяо-скую философию «гибнуть за выпрямление». И Линь Бяо повторил им: «Я неволю себя жизнью и логовом тигра», «са чудодейственной гибкостью» применен к обстоятельствам. Таким образом, Линь Бяо сам признал — утверждает обвинители, — что он — скрывающийся средне буржуазный карьерист, интриган, что он действовал методами контрреволюционного двуличия.

Мы можем лишь напомнить, что та же «Жизнь жибяо» пять лет назад в статье «Брать с заместителем председателя Линь Бяо блестящий пример безграничной преданности революционной линии председателя Мао» писал: «История красноречиво

доказывает: заместитель председателя Линь Бяо последовательно и высоко несет великое красное знамя идеи Мао Цзэ-дуня. В каждый критический момент революции он решительно всех преторвал в жизнь революционную линию председателя Мао Цзэ-дуня. Он лучше всех знает и применяет идеи Мао Цзэ-дуня в тесной связи с жизнью. Он является самым близким соратником и наилучшим учеником великого вождя председателя Мао Цзэ-дуня и служит блестящим примером для всей партии, всей армии и всего народа».

Остается лишь удивляться тому, как сама «Жизнь жибяо» «с чудодейственной гибкостью» применяется к обстоятельствам. Впрочем, это происходит не только с «Жизнью жибяо».

Так, агентство Синьхуа, сообщая о ходе пресловутой «критики Линь Бяо и Конфуция» в Пекинском университете, привело высказывание известного знатока конфуцианства Фан Ю-ляна. Профессор, видимо, руководствуясь в жизни теми же принципами, что привели к «Жизни жибяо», выступил со следующим показанием: «Моя прежняя позиция — это позиция крупных помещиков и крупной буржуазии. Мои мировоззрение и линия, которая я придерживался, были реставраторскими. Ярким проявлением этого было мое почтение конфуцианства. Раньше моя деятельность в области философии служила реставраторской реакционной линии того времени. Затем я перешел к буржуазно-

му приему: написал в тридцать лет книгу «История китайской философии» и сочинил в период войны сопричастия японским захватчикам (1937—1945 годы) труды, проповедовавшие злам конфуцианства, что было на руку чанкайшистам. После освобождения страны в 1949 году буржуазный прием тоже оказался негодным, и мне пришлось прибегать к ревизионистскому... Великая пролетарская культурная революция, критика Линь Бяо и Конфуция помогли мне понять вред моей исследовательской работы по истории китайской философии».

Для полноты картины можно вспомнить также сообщение осведомленного японского источника о том, что президент Академии наук Китая Го Мо-жо в связи с кам-

панью «критики Линь Бяо и Конфуция» вновь занимается самобичеванием. До сих пор он был непримиримым критиком императора Цинь Ши-хуана, который в свое время живьем закопал в землю 460 ученых-конфуцианцев и предал сожжению «редноценные» книги. Сейчас Го Мо-жо совершил поворот на 180 градусов и перешел к восхвалению деяний Цинь Ши-хуана.

Напрашивается вывод: по-видимому, стало обязательной нормой в Китае «кволить себя жизнью в логове тигра», «с чудодейственной гибкостью» примениться к обстоятельствам. Житийская философия «гибнуть за выпрямление» — это и есть философия жизни по Мао и при Мао.

В. МИТЯЕВ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНДИИ

В последнее время индийская печать публикует сообщения о строительстве Пекинских новых шоссе и дорог и мостов в стратегически важных районах, примыкающих к границам Индии. Как утверждают в Южном Тибете безданные, также ряд ракетных баз, которые в случае конфликта поставили бы под угрозу большинство индийских городов, плотин и промышленных центров. Газеты обращают внимание индийской общественности, в частности, на завершение строительства моста через реку Брахмапутра, пригодного для двустороннего движения тяжелых грузовиков и автомашин. Радио Лхасы, столица Тибета, поговаривает, что протяженность этого моста — 116 метров — что и немену подведена новая шоссейная дорога протяженностью 30 миль, соединяющая этот мост с магистралью Сичуань—Тибет. Правда, в радиопередаче не было сообщено, где точно расположено строительство моста. Однако оно находится в 8 милях от индийской границы, в районе Арначала. Ныне, как отмечают индийские газеты, Пекин может в случае нужды за считанные часы перебросить 300 тысяч своих солдат на индийскую границу из внутренних районов Тибета «река Брахмапутра», — подчеркивает печать, — была единственной преградой на пути движения китайцев в

восточном секторе через границу в Арначале, и новая мост может облегчить их быструю переброску. Хотя радио Лхасы утверждает, что мост построен с целью улучшить местные коммуникации, но в действительности мост был построен для того, чтобы повысить боевую мощь и мобильность Китая в районе, который считается самым уязвимым местом во время индийской агрессии 1962 года.

Напоминая о сообщениях, касающихся строительства в Тибете атомных электростанций и сложного ракетно-радиолокационного комплекса в Западном Тибете, близ Рудок, газеты призывают к повышению бдительности и укреплению северных районов. «Правительство должно быть начеку», — пишут индийские журналисты. — Китайцы в любой день и в любой час могут нанести удар по нашим границам».

Б. КРЫМОВ

РАДИОСТАНЦИЯ «ЛГ»

«ИМПУЛЬСЫ НАСИЛИЯ»

Первого апреля целый день жил какой-нибудь коварного розгрыза. Прошло. Но вечером того дня пришел доклад, в котором принесли и наткнулся на устный «киножурнал» Би-би-си. Очевидно, редакторы «журнала» рассчитывали на первоапрельское воображение слушателей, забив, правда, что день этот — веселый, а не наоборот.

Что же сегодня смотрят в Лондоне?

И все это вполне серьезно. И все это вполне серьезно. И все это вполне серьезно.

Однако перейдем от двоякого «вортекса» к «вортексам». С этими наводными нам доселе существовали знакомит раскаты Би-би-си о другом фильме, вышедшем на экраны Лондона.

Рестиссер Джон Боркин поставил фантастическую картину «Зардос». К XXIII веку мир, каким он его видит, опустошен последствиями загрязнения окружающей среды. Выжило лишь какое-то подобие цивилизации в далекой долине. Обитатели долины — «вортексы» открыли секрет вечной молодости. На вопрос корреспондента: «Хотят ли как-то ты вернуться в то, что такое события могут произойти в реальном мире?» — интеллектуал ответил: «Ну, мне кажется, что это возможно...»

«вортексов» известны. Те, по-видимому, не любители его. Но не за преступные намерения, а из чистой зависти. Они по-прежнему лишь «сперт» перед смертью, по мнению Боркина, — делает человеческую жизнь ценной.

И тогда режиссер доставляет «вортексам» несколько приятных минут, чтобы не завидовали: доблестный Зед с помощниками всех их убивает... Ну вот, скажут иные, фильм пересказ очердного фильма-ужаса. И будут неправы. Картина Бормана несколько выводит из этого ряда. Она не только пугает количеством убийств, но тоже, как и «Исгоняющий дьявола», претендует на серьезную идею. По мнению редакторов Би-би-си, фильм предупреждает зрителей: смотри-

те, мол, ястоит отнять у человека смертность, и он становится бесчеловечным.

Но позвольте, смертный в этом фильме был только один Зед, и он же оказался самым кровожадным! Впрочем, чуть позже диктор дал понять, что кровожаден не один герой, но и сам режиссер, который без обиньяк заявил корреспонденту Би-би-си: «Я очень люблю насилие и нахожу его воспитательным». И далее: «Я считаю, что насилие на экране служит разрядкой импульсов насилия, в частности и людям вообще...»

Услышав столь ужасающие выходы о «людах вообще», я почувствовал непреодолимый импульс насилия и выключил приемник.

М. МАКСИМОВ

«ВЗЯТЬ НА СЕБЯ...»

М. ГААААА

12 АПРЕЛЯ НАША СТРАНА ОТМЕЧАЕТ ДЕНЬ КОСМОНАВИКИ. В ЭТОТ ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД НА ОРБИТУ ВОКРУГ ЗЕМНОГО ШАРА БЫЛ ВЫВЕДЕН КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ, УПРАВЛЯЕМЫЙ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЮРИЕМ АЛЕКСЕВИЧЕМ ГАГАРИНЫМ. РУКОВОДИЛ ВСЕМ ОГРОМНЫМ КОМПЛЕКСОМ РАБОТ ПО СОЗДАНИЮ ПЕРВЫХ ПИЛОТИРУЕМЫХ КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР АКАДЕМИК СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КОРОЛЕВ. СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ ОЧЕРК ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ.

Дальнейший ход дела — поскольку конкретное предложение было четко сформулировано — неизбежно свелся к вопросу «Кто — за?»
Несколько человек решительно подняли руки, за ними потянулись остальные. И вопрос был решен...
А начались обсуждения развернутого доклада — и все неминуемо ушло в детали, ранее уже многократно и всесторонне обсужденных. И не было бы полета 12 апреля. То есть, конечно, он так или иначе состоялся бы, но не 12 апреля, а — не берусь назвать дату, даже приблизительно.
Да, психолог он был большой!
И — тут это проявилось снова — умел «взять на себя».

Вопрос о полете космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4». Королев сказал про руководителя старта: — Железной выдержки человек!
В его устах такая характеристика кое-чего стоила.

Да, есть такие виды человеческой деятельности, которые порой заставляют принимать ответственные решения в условиях, как сейчас принято выражаться, неполной информации, да еще в том же при остром дефиците времени. Так приходится сплошь и рядом действовать полководцу в сражении, летчику в полете, хирургу за операционным столом. Не минул час сна, как мы видели, и конструктора космических кораблей.
Королев был в этом отношении очень силен.

Но не следует, конечно, относить сказанное в том смысле, будто он прямо стремился к решениям подобного рода. Чуть ли не удовольствие от них получал. Нет, всегда, когда возможно (а возможно это в подавляющем большинстве случаев), он старался действовать, опираясь на точные, многократно и всесторонне проверенные данные, на детально проработанные варианты, в многообразии которых вариант оптимальный редко бросается в глаза с первого взгляда. А свою исключительную интуицию пускал в ход в дополнение, но не в замену этих данных.

Особенно любил он то, что называется — первым экспериментом. Прибегая к нему всегда, когда было возможно. Вот, к примеру, одна из историй, которую сотрудники Королевского КБ особенно охотно рассказывают, когда речь заходит об инженерной практичности и остро развитом здравом смысле их шефа.
Но тут, наверное, нельзя обойтись без одной существенной оговорки. О Королеве в космических (и «околокосмических») кругах ходило множество рассказов, фактическая основа которых обростала таким количеством «дополнений» и «уточнений», порожденных полетом вольной фантазии рассказчиков, что отделить одно от другого становилось практически невозможно. Но, надо сказать, упомянутый полет фантазии протекал не совсем уж бесконтрольно: все таки говорили люди, как правило, хорошо знавшие Королева. А потому их рассказы (точнее — переказы) были весьма и весьма безукоризненно точны в деталях, вполне правдоподобны по существу.

В этом отношении — как герой целого цикла повестей о жизни и деятельности великого полководца — на все известные мне люди в отдаленном положении с Королевым находились, пожалуй, один лишь Андрей Николаевич Толубев.

Итак, вернемся к обещанному рассказу. Дело было в время подготовки к пуску автоматической космической станции на одну из планет. И сама станция, и ракетаноситель уже были доставлены на космодром. Там же сформировались члены технической комиссии по пуску, главные конструкторы отдельных систем, ученые, представители фирм-изготовителей отдельных устройств и агрегатов, имя которым — легион Шли последние, самые горячие медики подготовки к пуску.

И тут-то выяснилось, что комплект исследовательской аппаратуры, предназначенный для станции, «не проходит» по весу. За последние тридцать с лишним лет я не усматриваю, чтобы в авиации (а космонавтика, что ни говоришь, если не больше, то во всяком случае близкая родственница авиации) какая-нибудь вновь созданная конструкция оказалась легче, чем ее первоначальный прототипированный, или хотя бы уложился в свой первоначальный проектный вес.

Но в авиации претяжеленная конструкция — дело хотя и не очень приятное, но все же не смертельное: какие-то данные машины несколько ухудшатся — вот и все.

Иначе обстоит дело в космонавтике. Наличие энергетических ресурсов ракеты-носителя позволяет вывести на космическую орбиту вполне определенную груз — и ни килограмма больше! Хоть бы не больше, а вес корабля надо привнести в этой единственно возможной цифре.

Протокол сей процесс достаточно бурно. Гневные разногласия (и не только разногласия, а и перепалочки!), взаимные претензии («Что не у нас переосмыслено?», «Ссылки на высшие авторитеты!», «Этим экспериментом интересуется сам...»), как и следовало ожидать, ни к чему конкретному не привели. Оставалось одно — что-то выискивать. А вот что именно — это должен был решать технический руководитель пуска, сиречь Сергей Павлович Королев.

Многоисленные «хозяева» исследовательской аппаратуры ходили тихие и смиренные, чуть ли не на цыпочках, взирая по возможности не привлекать к себе излишнего внимания кого бы то ни было, но прежде всего Королева. А он, покаявшись во всевозможных грехех, перечислял и списал, оставившись свое внимание на одном из приборов. По мере того прибор, будучи доставлен на поверхность упомянутой планеты, должен был определить, есть ли на

ней органическая жизнь, и передать полученный результат по радио на Землю. Изначально, насколько цены для науки были бы достоверные данные по этому вопросу. Но в том-то и дело, что только действительно, по-настоящему достоверный... Судя по дальнейшему развитию событий, ход мыслей Королева привел его именно к этому «но». А за размышлениями, как всегда, у него, незамедлительно последовало: главный конструктор дал команду.

— Отладить прибор по полной предпусковой программе, погрузить на «газик», вывезти в степь за десять километров от нас и там оставить. Послушаем, что он будет передавать.

Выполнить это решение было нетрудно: рыжая, выжженная степь вокруг космодрома лежала на все четыре стороны света до самого горизонта.

Прибор был отлажен, задействован, погружен на «газик», заброшен в степь и по прошествии положенного времени выведен в эфир радиосигналы, из расшифровки которых с полной определенностью следовало, что жизни на Земле — нет.

И вопрос — по крайней мере для данного пуска — был решен.

Не следует, однако, усматривать в рассказанном сейчас истории один лишь анекдот: не так уж прост был конструкторский дизайн прибора. Оказываются, следы человеческой цивилизации, да и вообще следы жизни на нашей планете, если смотреть на нее со стороны, бросаются в глаза не так уж сильно.

Еще несколько лет назад американский астроном Сайган докладывал на международном астрономическом симпозиуме о том, как он попробовал обработать снимки Земли, сделанные со спутников аппаратурой с разрешающей способностью более одного километра, с целью определить по ним, есть ли на Земле сознательные существа.

Он пытался обнаружить на снимках что-либо, бесспорно созданное такими существами. Пытался, но, ничего не обнаружил. Оказалось, например, что, судя по этим снимкам, таких городов, как Нью-Йорк или Париж, просто нет. Река Сена есть, а города Парижа нет. В том месте, где ему, по данным учебника географии, полагалось бы находиться, на снимках обнаруживались пятна, практичнее было бы отличить, скажем, от изображений лесных массивов.

Только в Канаде с трудом удалось найти какие-то прямые линии, означавшие огромными, простиравшимися на десятки километров, широкими просеками в местах лесозаготовок.

Королев говоря, какойнибудь марсианин, изучая подобные снимки, наверняка пришел бы к выводу, что сознательной жизни на Земле нет.

Разумеется, причина такой удивительной и даже несколько обидной «невидимости» следов деятельности человека на нашей планете не принципиального характера. Все дело было в разрешающей способности фотоаппаратуры, которая со времени исследований Сайгана продвинулась далеко вперед.

Примерно то же можно сказать и о приборе, о котором у нас шла речь. Возникло, что требовалось усовершенствовать его конструкцию. Не исключено, что нужно было изменить методику его использования. Словом, отвергать саму идею исследований такого рода, конечно, не приходилось. Это было очевидно всем, а Королеву — больше, чем кому либо иному.

Но способ решения задачи вполне практической, — что снимать в первую очередь с корабля? — примененный в данном случае, для Королева, как мне кажется, очень характерен. Даже если в этой истории и есть что-то от легенды. Хотя старожилы Королевского КБ решительно настаивают: все точно, ничего от легенды тут нет.

Однажды мне довелось наблюдать, как общезвестный склонность Королева к прямому эксперименту привлекла суровому испытанию, войдя в конфликт со строгой дисциплиной, упорно насаждаемой им во всем, что относилось к подготовке к пуску космического корабля. А тут эксперимент был предпринят в порядке, выражаясь деликатно, не вполне планомерно.

Дело обстоит так. Готовился к полету один из беспилотных космических кораблей — предшественников Гагаринского «Востока» — с подопытной собакой на борту.

Среди проблем, стоявших перед учеными и конструкторами, едва ли не самой серьезной была несомненность. В сущности, мы и сейчас не можем утверждать, что знаем в этой области все. Но тогда опыта сколько-нибудь длительного, превышающего несколько десятков секунд сгорки, наблюдения с явлением невесомости вообще не было ни у кого.

А потому пышно расцвели горячие дискуссии (ничто так не подогревает дискуссионные страсти, как недостаток информации) на тему о том, как будут функционировать в условиях невесомости живые организмы, а равно неживые механизмы.

В правомерности постановки такого вопроса применительно к живым существам не сомневался никто. В самом деле: если подобные существа, живя на нашей планете, в течение миллионов лет эволюционировали при наличии гравитации, то вряд ли потеря веса может быть для них безразличной.

Но сомнения в бесперебойности действия в этих условиях мертвой техники могут на первый взгляд показаться не очень-то обоснованными: не все ли, мол, равно всяким винтикам и болтикам — несомненно там или невесомости? А между прочим, оказалось, что некоторые техническим устройствам далеко не все равно. Взять, к примеру, такое широко распространенное на всевозможных топливных, масляных, гидравлических системах устройство, как отстойник. При отсутствии гравитации он функционирует не может: нет причины для оседания частичек примесей, которые он должен выводить из рабочей жидкости.

Выходит, не всякой технике так уж хорошо в невесомости, и возмущение на сей счет сомнения нельзя считать, чтобы были полностью высосаны из пальца. Но, расширяя набор опытных животных, оказавшие сомнения стали затронути и такие механизмы, которые до того были, подобно жене Цезаря, вне подозрений.

Дело дошло до того, что начались споры о том, будут ли работать в космосе... часы. Обыкновенные пружинные часы!

...Доктор А. М. Генин — по профессии авиационный медик, в силу чего и занимался в те годы преимущественно существами живыми: от мушек дрозофил до космонавтов. Вопрос о том, будут или не будут работать часовые механизмы в невесомости, его, как говорится, прямо по службе ни в малейшей степени не касался. Но тем не менее он взял грех на душу: в последний момент перед закрытием люка очередного беспилотного космического корабля снул с руки и контрабандно надел на заднюю лапу подопытной собачке Чернушке свои собственные наручные часы — обыкновенные часы марки «Победа» — и потерем ремешек.

И контрабандные часы проехали 9 марта 1961 года вокруг земного шара по космосу, благополучно опустившись вместе с кораблем на Землю и, как выяснилось после вскрытия люков, продолжая все это время бодро тикать, ничуть не хуже, чем до сиюэтого этического путешествия.

Через несколько лет, когда я напомнил Генину об этой истории, он сказал: «Я просто хотел от них избавиться. Они мне надоели...». Но то было через несколько лет, а по свежим следам на доктора крепко нависли за «самовольное внесение изменений в установленный комплект бортового оборудования», что считалось (и, в общем, считалось справедливо) криминалом достаточно серьезным.

Однако чувствительное, что ругали его тогда больше для порядка. А в частном разговоре Королев сказал: — Вот так и надо ставить эксперимент: прямо брать быка за рога.

Что то из рассказанного здесь я узнал от сотрудников Королева. Чему то был свидетелем сам...
А перечитав написанное, подумал: чем же интересны именно эти, проиндексированные в рассказанных эпизодах, а не какие то другие черты незаурядной личности Королева? Неисторически ответить на этот вопрос. Начать с того, конечно, интересны аспекты в портрете Королева — все многообразие. С какой стороны к нему ни подойти, все будет связано и значительным.

Но все-таки вспоминались в этом отрывке эпизоды, отличающиеся, как мне кажется, тем, что в них проявились не только черты простотого (очень непростого!) характера Сергея Павловича Королева, но и его методы работы, элементы творческого корабля, рабочие приемы выполнения главного дела всей его жизни.
Проявилось — хотя бы в малой степени — нечто от того, что сделало главного конструктора — Главным Конструктором.

ТО БЫЛО уже далеко не первое совещание, на котором говорили о создании космической станции, предназначенной для мягкой посадки на Луну. Работа над проектом еще только начиналась: что составляли перечень основных технических параметров станции, по существу, определяющих всю ее будущую конструкцию? Тут то возник вопрос: как делать шаши? Ведь невозможно проектировать его, не зная, хотя бы приблизительно, куда оно будет садиться. А что представляет собой грунт лунной поверхности, ни кто еще точно сказать не мог. Как принято говорить, мнения ученых разошлись. Одни полагали, что поверхность Луны похожа на гранитные скалы. Другие — что она представляет собой трещину или в несколько десятков метров толщину. Третьи — что она более всего похожа на похреватую пемзу... Словом, мнений было почти столько же, сколько ученых.

И вот в который уже раз собирается высокий синклит, выслушивает доводы «за» и «против» каждой гипотезы и... не видит достаточных оснований, чтобы уверенно остановиться на одной из них, отвергнув все остальные. Причем упрекать за это озабоченный высокий синклит или предвзятые ему претензии в неперспективности, робости мысли и склонности к перестраховке в данном случае не приходится: их действительно нет, этих оснований. — конкретный пример трудности, неизбежно сопутствующий проникновению человека в Новое.

Впрочем, «проникновение в Новое» и прочие высокие слова хорошо звучат после того, как очередное совещание полади. Историю, и свершением его называют потом, когда оно уже состоится, а пока оно носит прозаическое наименование: задание. А раз задание — значит, планы, значит, сроки, которые, как известно, не ждут... В общем, тянуть с решением вопроса о шаши «лунника» было больше невозможно.

— Так вот, — сказал Королев. — Большинство ученых склоняется к тому, что грунт на Луне твердый. Вроде гранита, или известняка, или пемзы — это уже детали, — но твердый. Да и доводы сторонников этой точки зрения более убедительные, чем у противников...

Он сделал паузу и решительно закончил: — Так и будем считать.

— Но, Сергей Павлович, — не удержался кто-то из присутствующих. — Как можно принимать такое решение на основании абстрактных разговоров? А если... Ведь все эти ученые мужи высказывают только общие соображения — не более того! Никто из них не берет на себя смелость написать: на Луне, мол, такой-то грунт — и подписаться под этим!

Королев посмотрел уставлыми глазами на сидящих за столом:

— Ах, вот чего вам не хватает...

Затем взял блокнот, крупным почерком написал на его листке:

Подписался: ЛУНА — ТВЕРДАЯ.

С. КОРОЛЕВ

Поставил дату, вырвал этот листок и передал коллеге, тосковавшему по документу с подписью.

Дальнейший ход дел общезвестен: шаши были спроектированы, станция построена, залпущена и успешно приземлилась в феврале 1966 года — через месяц после смерти Королева.

Луна действительно оказалась твердой...

Этот эпизод кажется мне чрезвычайно характерным для личности Королева. В нем в высокой степени развито свойство, которое по существу вещей должно было бы быть присуще всякому работнику, занимающему так называемый ответственный пост, но которое, увы, встречается в жизни гораздо реже, чем хотелось бы.

Королев умел взять на себя.

Он не только не уклонился от принятия ответственных решений в сложных и острых ситуациях, но с видной охотой сам шел им навстречу. Причем делал это, отнюдь понимая, что речь идет об ответственности не перед собранием, скажем, низовой профессиональной организацией, а перед сферами, располагающими полной возможностью выскатиться по самому крупному счету с человека, обманувшего их ожидания, — даже если этим человеком окажется Королев.

Да и не говоря уже о прямой ответственности, не мог он отодвинуть себе отчета и в том, что каждое его маломальское серьезное деяние — удачное или неудачное — пишется в книгу истории космонавтики и ракетостроения и со временем может быть по всем статьям проанализировано дотошными потомками. Ответственность перед историей! Далеко не самая легкая из всех возможных... Конечно, он все это сознавал.

И тем не менее — брал на себя...

Многое видел этот человек раньше других — он умел смотреть далеко вперед. И умел разглядеть в своем деле качественно новое даже тогда, когда это новое бывало довольно хитро замаскировано громозждением текущих частных дел.

К началу шестидесяти годов он был твердо уверен, что пускать в космический полет человека уже можно. А раз можно — значит, нужно.

Конечно, всем многоисленным участникам подготовки этой работы было ясно, что, когда определится достаточная надежность беспилотных кораблей-спутников, естественным завершением этого этапа будет полет человека. Но сколько именно потребуются успешных пусков беспилотных кораблей, чтобы сказать: «Да, их надежность достаточна», — этого конкретно никто себе не представлял. А если и представлял, то, во всяком случае, своих позиций особенно не декларировал.

И вот — заседание Государственной комиссии, которое впоследствии назвали «историческим». (Я взял это слово в кавычки, хотя, если оценить происходившее в свете всего, что за ним последовало, то действительно — иначе не назовешь.) Один из заместителей и ближайших многолетних сотрудников Королева подготовил по его поручению к этому заседанию доклад — детальный, всеобъемлющий, богато аргументированный, насыщенный объективным анализом всех «за» и «против».

Но, войдя в зал, Королев почувал (интуиция у этого человека была редкая), всем своим интуитом почувал накал волнения, более того — возникновение значительной части присутствующих. Причем присутствующих, которым предстояло не просто отосидеть на заседании — так сказать, «думая себе», а решать дело! Да еще и тому же давать ответственные справки, а некоторым и отвечать на прямой вопрос: «По какой части все готово? Никаких преградствий нет? Вы ручаетесь?»

Оценив ситуацию, Сергей Павлович сказал своему заместителю:

— Давайте лучше я сам...

И сделал доклад сам. Если, конечно, позволительно назвать докладом выступление примерно следующего содержания: — Корабль на космодроме. Подготовка заканчивается. Предлагаю разрешить пуск с человеком.

Исел

Из цикла очерков «На космодроме».

ЧЕТЫРЕ года назад, в начале 1970 года, рабочие мартовского цеха Северского трубного завода имени Меркулова подписали необычный документ. В нем говорилось: «Мы, члены бригады (смены, стана), обязуемся нести коллективную моральную и материальную ответственность за дисциплину и общественный порядок». Дальше раскрывался смысл ответственности: «Если в нашем коллективе будет допущено нарушение трудовой дисциплины (прогулы) или нарушение общественного порядка (медлительность, мелкое хулиганство), мы добровольно откажемся от выплаты нам месячной премии из фонда материального поощрения». Обязательства стали неукоснительно выполняться. Достаточно было одному из членов бригады прогулять или переночевать в вытрезителе, как немедленно следовало распоряжение начальника цеха о лишении всей бригады причитающейся премии. Причем не премии по социалистическому соревнованию, а той, что предусмотрена системой оплаты труда.

В первый же год применения коллективной ответственности в цехе было зафиксировано значительное сокращение нарушений: число прогулов упало, например, с 24 до 7. Цифры впечатляли, и со следующего года коллективная ответственность начала быстро распространяться. В прошлом году ее приняли на себя уже 543 бригады. Руководители завода, рабочие рассказали о своем опыте в печати. Он привлек внимание последовали и некоторые другие предприятия Свердловской области. На завод идут письма с просьбой поделиться интересным опытом.

В. ГЛАЗЫРИН, кандидат юридических наук,
В. НИКИТИНСКИЙ, доктор юридических наук,
— старшие научные сотрудники Свердловского научно-исследовательского института советского законодательства

БЕЗ ВИНЬ ВИНОВАТЫЕ?

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «Л» ОБ ОДНОМ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Такова краткая хронология начинания, которое на заводе называют социальным экспериментом.

Итак, найдено новое эффективное средство укрепления трудовой дисциплины. Подождем, однако, с выводами. Эксперимент северских трубочников выдвинул проблемы, без обсуждения которых не обойтись.

Это понимают и на самом заводе. В частности, в своем недавнем выступлении в «Комсомольской правде» бригадир сталеваров А. Комаров справедливо сетовал на то, что ученые пока никак не оценили опыт завода. Что ж, попробуем высказать свое отношение к эксперименту северцев.

Вполне понятен замесел организаторов эксперимента. Воздействие трудового коллектива на тех его членов, которые отстают от принятых образцов поведения, создание обстановки, когда каждый член коллектива чувствует себя ответственным не только за себя, но и за своих товарищей, — все это явления чрезвычайно важные, полезные. Такая ответственность, несомненно, способствует повышению производительности и общественной активности трудящихся. С точки зрения воспитательной, нравственной, идея северских трубочников не вызывает никаких сомнений. Однако почти этот затрагивает вопросы не только моральные, а и юридические, правовые. Как же выглядит он с точки зрения действующего закона?

СОМНЕНИЕ первое. По закону, отвечать может лишь тот, кто его нарушил: совершил запрещенный проступок или преступление. И если — в том виноват. Это алмазика права. Даже в тех ограниченных случаях, когда допускается бригадная материальная ответственность (скажем, в торговле), она прерывается, как только найден конкретный виновник. Здесь же, на Северском заводе, человек не своего проступка не совершил, но тем не менее лишается заработной платы и премии. Лишается за проступок другого человека.

Нам возражат: рабочий подписал документ о коллективной ответственности — значит, он поступает добровольно по собственному желанию. Сам отказывается от своей премии. Но ведь условия договоров о труде, уходящие положения рабочих и служащих по сравнению с законодательством или иным образом противоречат ему, являются не действительными (ст. 5 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде). Иначе говоря, коль премия полагается человеку, им заработанная, соглашение об отказе от нее не имеет юридической силы. Закон не позволяет здесь никаких поправок.

Слышим раздранные голоса: опять же юристы со своими параграфами встают на пути интересного дела. А вдруг параграфы устарели? Ведь если полна эксперимента доказана, то извольте не перечислять менторски отступления от действующих правовых норм, а, напротив, обеспечить ему правовую защиту.

Что ж, попытаемся разобраться в эффективности северского эксперимента по существу. В мартовском цехе прогулы в 1973 году сократились по сравнению с 1970 годом в три раза, а число по заводу — в 1,7 раза. Но вот первый вопрос. Ведь количество нарушений заметно снижалось на заводе и до эксперимента. Северский трубный — одно из лучших предприятий в отрасли. У коллектива богатые трудовые традиции, и укрепление дисциплины здесь всегда уделяли большое внимание. В комплексном плане воспитательной работы, ежегодно утверждаемом приказом по заводу, — обширная система мер: от личного разбора каждого прогула заместителем директора завода по кадрам до обязанности мастеров и профгруппоргов периодически посещать ра-

точно ориентированного материального стимула. Но беспредельна ли сфера его применения? Рубль за невыполнение смежного задания — это понятно. А рубль за высказанное отношение к своему товарищу? То ли это все-таки средство, которым следует возбуждать социальную (а не производственную) активность человека? И действительно ли, как считают руководители завода, «найденное отвечающее духу времени организационное оформление борьбы за повышение чувства коллективизма»?

Стимул, строго говоря, — это ведь не только поощрение. Наказание (точнее, угроза наказания) — тоже стимул. Он может быть и материальным, и моральным. Не прибегли ли на Северском заводе к стимулу материальному там,

где должен и может хорошо работать эффективный моральный стимул? И нет ли в том — пусть невольном — недоверия к силе и эффективности такого морального стимула?

Другой вопрос. А всегда ли сформированное подобным образом чувство коллективизма направлено именно против нарушителей?

Однажды перед началом вечерней смены группу рабочих, интервьеровав ошутил, что от одного из них исходит запах... спиртного. Интересуемся: «Не боитесь подвести бригаду?» — «Ничего, обойдется».

Подходит другой рабочий: «Вы уж не говорите начальству — все без премии останемся». — «Но ведь ему с раскатанным металлом работать!» — «А мы его сейчас спать положим, пусть отдохнет».

Что это, «лобачный эффект» северского эксперимента? Когда перед бригадой возникает дилемма: публично осудить нарушителя, но остаться без премии или скрыть нарушение и получить ее, — принципиальное решение принимается, бонус, далеко не всегда. Не случайно, видно, рейды по проверке дисциплины постоянно обнаруживают спящих. Выявляют случаи, когда нарушения скрываются мастерами. Их за это примерно и строго наказывают — вплоть до увольнения. Но ведь их премия, да и не только премия — все оценки работы, зависит от числа нарушений в смене. И вот результат. По отчетным данным за январь этого года, в четырех бригадах листопрокатного цеха, где проводился эксперимент, не значится ни одного прогула. А отвечая на вопрос анкеты: «Сколько прогулов было в январе в вашей бригаде?», рабочие эти бригады указывали: один, два и даже четыре прогула...

Что же получается? Обстановка непереносимости к нарушителям и «не говорите начальству» — не говоря о моральных стимулах и рычагах — вещь, как видно, совсем не безобидная.

ПРИСМОТРИМСЯ теперь повнимательнее к самому механизму действия системы коллективной ответственности. Среди аргументов в ее защиту был, в частности, и такой: «Не нужно забывать, говорили нам, что речь идет о премии из фонда материального поощрения. Премии из этого фонда выплачиваются за отличную работу. А прогулы и бригаде — ухудшение коллектива. Поэтому премии он недостойн. Волею же — безупречный социализм! Но вот — практика. Машиnist крана простояет за снижение простоя вагонов. Разгрузил машинист вагон быстрее, чем предусмотрено нормой, — ему полагается премия. Однако представим, что кто-то из его коллег попал в вытрезитель. Значит, как бы машинист в дальнейшем не старался, премия за этот месяц он все равно уже не получит. Будет ли машинист и дальше так же быстро разгружать вагоны? Заинтересован ли он в этом?»

Еще более странная ситуация может сложиться у машиниста завалочных машин. Их премируют за работу неполным штатом. Установлен, например, штат бригады в 5 человек. Если кто-то почему-то не вышел, премию получают все пятеро. Если же кто-то из них не выйдет, премию получают только четверо. Все правильно: четверо сделали работу пятерых. А теперь представим, что бригады неполным штатом из-за того, что один из ее членов попросту занял. Премия той, конечно, не вылетит, но... немедленно лишат ее — коллективная ответственность. Бригада, не уследившая за своим легкомысленным товарищем, наказана. Но вот вопрос: станут ли четверо работать за пятерого время следующего заплата пятого?

Суд Фото С. ЛЯДОВА («Советский Союз»)

Можно ли сказать, что правовая культура выпускников нашей школы достаточна? На этот вопрос, увы, приходится ответить отрицательно. Нравственное и правовое воспитание учащихся должно быть улучшено. Именно эта мысль стала лейтмотивом принятого в декабре 1971 года постановления коллегий двух министерств — просвещения и юстиции. Было признано необходимым разработать учебную программу курса «Основ Советского государства и права» для восьмого класса на 35 часов и провести ее опытную проверку. В старших же классах расширить факультативные занятия по праву, практиковавшиеся кое-где и раньше.

Приходится слышать, да порой и читать, будто нововведение это решает чисто утилитарные задачи. Дескать, мальчишки и девчонки нередко заблуждаются, думая, что за их проступки отвечают папы и мамы. Что вообще нуждаются они в познании азов права — трудового, колхозного: ведь впереди у школьников трудовые будни. И что, наконец, перед будущими мужчинами и женщинами нельзя не открыть первых страниц семейной морали, семейного права.

Что ж, эта чисто практическая задача, конечно, стоит перед преподавателем права в школе, и укрепление правосознания в школьной программе вызвано целью, куда более ответственной и важной: воспитать в подростках, в юношах и девушках уважение к праву, с тем чтобы оно, это самое уважение, стало неотъемлемой частью их мировоззрения, их духовного мира.

То лучшее, что я наблюдал в ряде школ Новосибирска, сводилось к тому, что в воспринятой нами и исторически правовой норме. Нет, учитель рассказывал о том, что обусловило их рождение. Обличал плохое поведение учащихся, указывая на то, что оно является нарушением основ закона. Юрист становился социологом, историком, философом. Говоря о краже, он не чурался простых истин, почему красть нельзя, и дальше — почему красть несправедливо, и еще дальше — почему красть антинародно, антиобщественно. И через экскурсы в историю вопроса, через извлечение из книг Маркса, Энгельса, Ленина шел к обоснованиям философского порядка.

Сознания себя воспитателем, учитель юрист не соображает в рассказе на разбегательный детектив с набором мрачных криминальных историй, не являясь в класс с кодексом в руках и случаем из практики — в голове, не будет рассказывать о праве исследователя до того, как изложит общие принципы социального права, или об убийстве — до того, как объяснит, что же такое вообще преступление. Учитель должен возбуждать в ученике не страх перед наказанием, а ненависть к пороку, принимать ему чувство долга, ответственности перед законом, готовность пресечь зло или предупредить его возникновение.

В апреле прошлого года совет Новосибирского областного и координационно-методический совет по правовой пропаганде при отделе юстиции областного управления юстиции Новосибирска уст-

рой совместное заседание. Педагоги и юристы двух районов — Кольвасского и Маслянинского — докладывали о правовом образовании в школах. Шла речь не только об уроках права, но и о внеклассной работе: о всяческих клубах, кинопросмотрах, народных университетах права, дискуссиях. В одной из школ десятиклассники дискутировали на тему «Может ли математическая машина творить правосудие?». Юристы, направлявшие диспут, не без удивления отметили глубокую осведомленность школьников в предмете спора, что позволило вернуться к уже пройденному материалу и в атмосфере эмоциональной и творческой предметные рассмотреть такие понятия, как социалистическое правосознание, статус судьи, об-

средних школах тут будет один факультатив по праву (для восьмого класса — 35 часов), в полных — еще и другой факультатив, на этот раз для старшеклассников, с программой в 70 часов. Даже средняя цифра 50 часов поставила бы всю школу районной юстиции (8—10 человек) перед необходимостью провести за учительским столом не менее 2000 часов. Вот почему уроки права не удастся организовать во многих и многих школах.

Но, может быть, лучше научить праву учителей, ведущих в школе гуманитарные курсы? Однако и здесь свои барьеры. Во-первых, научить праву куда сложнее, чем юриста — педагогическим наукам. И тому же и словесник, и историк уже имеют немалую нагрузку: как звать

стоятельства, смягчающие и отягчающие виновность, и пр. и пр. Подобные диспуты в настоящее время проводятся в школах, но рекомандации эти проводятся в жизнь очень редко.

Несколько минут до урока. Наблюдая, как мой коллега-юрист торопливо одолевает лестничные марши, минут учительскую, встреченный замучен у дверей актового зала, поднимается на кафедру. Это его первый приход в класс. Что он знает об аудитории? Ничего. Что знает аудитория о моем коллеге? Ничего. Между тем как существует мир школы, ее работы, возникающие события — радостные или горестные.

Какой-то школьник набедокурил, поступил дурно, постыдно, а то и того хуже: совершил преступление. Ребята ждут с кафедрой отъезда на злобу дня, они уверены, что учитель права ответит на волнующие их, именно их, вопросы. Напрасные ожидания. Юрист-педагог прошел мимо учителя, не встретился с педагогом, не встретился с классным руководителем, не заглянул в стенную газету. Сведения, которые он сообщает своим ученикам, никак не связаны с жизнью этой школы, этого класса. Упущены огромные возможности воспитательного воздействия на аудиторию.

Многие юристы видят, что их «универсальные» тезисы, с которыми они идут в рабочие и колхозные коллективы, для школы не годятся. Но ведь у юриста нет методического багажа, нет педагогического опыта. Что же скажет читатель, всякий юрист — это воспитатель и психолог, как и педагог, он занят человеческим поведением, и следовательно, научить его специфической «школьной» психологии и даже педагогике не так уж и трудно. Справедливо. Но вот вопрос: может ли он принять на себя всю ношу школьного правосознания? Приведу пример. Маслянинский район Новосибирской области. В районе — 41 школа. В неполных

В. ШАЛАГИНОВ ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

АЗБУКА ЗАКОНА

на них новое, и притом не легкое бремя?

И вот педагоги учат юристов, юристы — педагогов. Минувшим летом в Новосибирске облюбо и Института усовершенствования учителей провели с педагогами гуманитарных и юридических курсов по основам государства и права. Несколько раньше координационно-методический совет областного отдела юстиции призвал на подобное же мероприятие юристов.

Мероприятия эти принесут несомненную жатву. Уже в нынешнем учебном году к занятиям правом приступают десятки новых школ.

Что же дальше, однако? Где кардинальное решение проблемы?

По-видимому, признав учителя права фигурой реальной и настоятельно необходимой, надо готовить таких учителей в высшей школе уже с этого года.

Полезны будут, наверное, и централизованные курсы для историков и обществоведов.

Нужна еще единая программа для факультатива восьмого класса (старшие классы его уже располагают). Мне доводилось читать и сравнивать школьные программы, родившиеся в Иркутске, Красноярске, Омске, Томске, Барнауле и, конечно же, в Новосибирске. Они еще далеки от совершенства...

Наконец, нужен учебник. И талантливый перо, чтобы написать его, перо художника и правоведа. И хрестоматия права, которая предложила бы учащимся все наиболее глубокое, сильное, яркое и увлекательное, чем располагает марксистская мысль и тексты законов, и комментарии, и исследования, и публицистика, и прозаические отрывки. А может быть, и стихи... Словом, все, что воспитывает правосознание, что работает на основную задачу: знать, понимать, уважать закон.

Новое дело молодо. Жить ему долго. И потому внимание к его вопросам должно быть постоянным и творческим.

Новосибирск

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВОТ

После опубликования судебного решения Арбитражного суда «Затмение» (ЛП, № 8, 1973) редакция получила ответ от прокурора Красноярской области М. Блинова. В письме сообщается о марше, принятом прокуратурой областного управления юстиции.

«ЗАТМЕНИЕ»

Следствие по делу об избиении художника Ф. Новикова продолжается. Наиболее активный участник преступления Грызунки арестован. О результате расследования дела судом редакции будет сообщено дополнительно.

ПОЛЕМИКА

ЦЕНА БЕСЦЕННЫХ ИДЕЙ

МНОГИЕ удивятся, узнав, сколько денег тратит Англия на научные исследования и с какой скоростью увеличиваются эти траты. Судямы, выделяемые Исследовательским советам, увеличились за послевоенный период почти в 400 раз, а в университетах — в 200. Впрочем, учитывая инфляцию, можно считать, что государственные расходы выросли раз в 20, но тем не менее «кусочек пирога», который достается сейчас университетам, в 10, а Исследовательским советам — в 20 раз больше, чем это было перед войной 1939 — 1945 гг.

Подобный рост ассигнований на научные исследования наблюдается и в промышленности.

В 1939 году Англия была одной из первых в области научных исследований, что удивительно, если принять во внимание, насколько милеры были ассигнования на них. Страна занимала ведущее место в мире по исследованиям в области иммунологии и вирусологии и в основных работах по антибиотикам. В физике велась успешная работа в области атомной физики и основ радиолокации, хотя здесь дотации на государственные источники были еще менее щедрыми. В биологии прекрасно работали наши центры по исследованию физиологии насекомых и паразитологии.

Эти работы проводились в университетах, лабораториях Исследовательских советов и других государственных учреждений, а также учеными, работающими в промышленности. Очень поучительно изучение военных отчетов этих научных учреждений. Можно только удивляться тому, как малочисленными были штаты большинства этих отделов и как многочисленными значительными научными работами, опубликованными ими. Можно заметить также, что профессора и руководители этих отделов были в большинстве случаев самими производственными работниками. Прогресс в глазах и тот факт, что при небольшом числе аспирантов многие из них являлись авторами интересных научных работ еще до получения ученой степени.

Во время войны благодаря изобретению радара, созданию атомной бомбы, победой над сельскохозяйственными вредителями с помощью ДДТ, успешному применению противоязвенных препаратов статус ученого необычайно возрос, и ученые вступили в послевоенный период, находясь в состоянии некоей «апофеизации» науки. Все это послужило предпосылкой для увеличения ассигнований на научные исследования. Впечатление было произведено даже на руководителей промышленности, решивших, что коммерческий успех идет тех, кто создает лабораторию. Однако многие довольно скоро обнулились, что вместо ожидаемых доходов лаборатории дают лишь научные отчеты. По своему опыту могу сказать, что им еще повезло.

ОЧЕНЬ немалое значение имеет стоимость научных исследований, но многие пердят в то, что в результате этих исследований получают много новых знаний, что научный мир не в состоянии их переварить. Существует мнение, что произошел

некий «информационный взрыв». Несколько лет назад я написал об этом статью под названием «Подобная халупушка». Названия полностью соответствует сущности явления. Конечно, произошло известное увеличение научной продукции. Появление

Кеннет МЕЛЛАНБИ,
профессор

ЭТА ДОРОГАЯ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА...

и продолжают появляться на свет новые научные журналы. Некоторые журналы увеличились в объеме. Тем не менее объем публикаций по научным исследованиям увеличился менее чем в два раза по сравнению с довоенным периодом. Путаницу внес рост вторичных журналов, содержащих аннотации, обзоры и публикации материалов научных конгрессов, где речь идет о работах, сделанных много лет назад, уже опубликованных ранее, о которых неоднократно сообщалось. Я по-прежнему считаю, что никакого взрыва знаний или количества научной литературы не произошло.

Может возникнуть вопрос: а не возросло ли качество, если уж нет количественного роста? Свидетельств этому я также не вижу. Я сам писал научные работы и редактировал их и до войны, и после войны и продолжаю заниматься этим сейчас и могу сказать, что не вижу каких-либо значительных изменений. Более серьезным является явление производительности различных групп ученых. В 30-е годы профессора и руководители отделов были обычно самими производственными работниками. Сегодня это случается редко. Бесплодие тех, кого назначали на их должности в основном за прошлые исследования, сильно снизилось, по-моему, и качество, и количество производимых в нашей стране исследований.

Если уж мы признаем обескураживающее снижение продуктивности, то следует выяснить причину этого явления. Думаю, что здесь действует совокупность многих факторов, но большинство из них является результатом неправильного понимания самой философии научного открытия. Боясь, что достижения науки зависят от выдающихся личностей, способных творчески анализировать и осмысливать результаты наблюдений и формулировать идею открытия. Я считаю абсолютным абсурдом добиваться успеха путем траты гигантских сумм и привлечения многочисленных квалифицированных технических специалистов, работающих под руководством выдающегося ученого. Это может оказаться полезным в процессе «шрифтования» на завершающем этапе работы. Но если талантливый ученый отстранен от непосредственной научной работы, сделав его администратором, он обычно становится бесплодным.

Я не выступаю за возвра-

щение к «старым добрым временам», когда профессору приходилось самому иметь пробирки, хотя это были плодотворные годы. Но я тем не менее считаю, что большинство мер, принимаемых сейчас с целью стимулировать научную ра-

боту, приводит чаще всего к обратным результатам. В недавнем отчете химических факультетов преподаватели и лекторы в один голос заявили, что они тратят в среднем более 30 процентов времени на руководство научной работой. В то же время половина лекторов и 80 процентов преподавателей сами занимаются научной работой менее 10 процентов времени. Конечно, это положение в корне неверно. Студенту, который нуждается в такой опеке, следует поискать себе другую работу.

В течение последних 10—15 лет выражались некоторые озабоченности по поводу растущей стоимости научных исследований. Об этом сообщали бесчисленные комитеты, советы и рабочие группы. Было бы утомительным занятием пытаться перечислить все данные или рекомендации. Исследовательские советы и комитеты формировались и перестраивались, лабораториям неоднократно переходили в ведение одного министерства в ведение другого, а сейчас должна быть изменена сама система финансирования большей части наших исследований. Пока что некоторые изменения, прекрасные выглядящие в теории, на практике привели к большому количеству обратных результатов. Во-первых, они привели к тому, что в 30-е годы, могли бы вести самые важные исследования. Во-вторых, большинство принятых решений являлось интенсивное «отпочкование» комитетов, что опять же увеличивало потенциально продуктивных ученых от занятии наукой.

В-третьих, была создана усложненная система, при которой большое количество ученых, причастных к наиболее продуктивным ученым, забирается на лабораторию на административную работу. Ни один комитет пока не задумывался над тем, что исследователи делают только исследованиями и что ни один комитет, сколь бы важен он ни был, ни разу не подает оригинальной идеи. Нам грозит опасность создать прекрасную административную систему, при которой никому будет заниматься научной работой.

ВЫСКАЗЫВАЮТСЯ И очень разумное пожелание, чтобы ученые, получающие средства от государства, работали бы над проблемами, имеющими значение для стра-

Охватывая мир научно-техническая революция предъявляет все новые и новые требования к организации научной работы. Все острее стоит вопрос об эффективности научных исследований. Некоторые детали науки на Западе, не создавая истинных причин коррозии научного механизма в капиталистических странах, выступают с предложениями, которые, по существу, идут вразрез с общим духом научно-технической революции. Между тем рациональные организации науки можно добиться только при рациональном устройстве всего общества в целом.

Сегодня мы публикуем сокращенный перевод статьи английского биолога профессора К. МЕЛЛАНБИ, в которой он излагает свою точку зрения на усовершенствование организации научных исследований. С ним polemизирует советский ученый, член-корреспондент АН СССР М. ВОЛЬКЕНШТЕЙН.

т. д. и т. д. Но ведь именно благодаря этому «удорожанию» мы получаем постоянно растущее количество все более дешевых продуктов. В этом плане разница между наукой и промышленностью только в том, что в последней экономический эффект применения

М. ВОЛЬКЕНШТЕЙН,
член-корреспондент АН СССР

ВКЛАД ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ПРОЦЕНТАМИ

СТАТЬЯ профессора Мелланби затрагивает серьезные проблемы, волнующие научную, да и не только научную, общественность. Он говорит об Англии, но сходные представления о современной науке и ее организации довольно широко распространены сейчас в мире. Дело в том, что расходы на науку все время растут, а значит, обществу в целом приходится урезать себя. И, естественно, у многих людей рано или поздно возникает вопрос: насколько неизбежен такой рост расходов и не обогнел ли он рост «урожая»? Попробуем разобраться.

Галилей открыл фазы Венеры при помощи собственного изобретения — телескопа. Современные исследования далеких галактик невозможны без огромных телескопов, которые стоят столько, что на эти деньги можно было бы купить миллионы галлилеевых труб. Другой пример. Важное значение в современной физике, химии и биологии имеет метод исследования — молекулы, основанный на явлении так называемого ядерного магнитного резонанса. В этом методе используется радиоаппаратура. Лет 15 назад ценные результаты получались с помощью приборов, в которых применялись электромагнитные волны с частотами 40 000 герц (то есть 40 000 колебаний в секунду). Сегодня для изучения сложных молекул белков и других веществ нужны приборы с частотами до 300 000 герц и выше. Стоимость прибора примерно пропорциональна применяемой в нем частоте. Грубо говоря, один герц стоит один доллар, и значит, цена аппарата, отвечающего современным требованиям, возросла за 15 лет почти в 10 раз — до 300 000 долларов!

Электронные вычислительные машины в сотни тысяч раз дороже «Феликса», не говоря уж о компьютерных сетях. Однако сметы на сегодняшней науке при всем желании не обогатятся. Космические ракеты также дороги, но в космос не полетит ни воздушный шар.

Поэтому, как мы видим, удорожание науки — процесс объективный и неизбежный. Но разве только наука требует больших затрат? Сегодняшние домовые печи дороже примитивных плавильных печей наших предков, комбайны дороже серпа, шагающий экскаватор — лопаты и

более производительного, а значит, и более дорогого оборудования более наглядно. Но как там, так и здесь лучшее оборудование дает лучшие результаты, приносит обществу в конечном счете гораздо больше, чем было взято, улучшает условия жизни людей.

Можно, конечно, заниматься сопоставлением относительной значимости и стоимости открытий ради и курчатовия, открытия основных законов генетики Менделеем и синтеза тепа Юрием. Но что такое сопоставление может дать? Ничего, кроме разве что любопытной статистики. Пути вклад в науку не существуют.

Поэтому проблема вовсе не в том, чтобы «удешевить» науку, а в том, чтобы все время сокращать дистанцию между ней и ее приложениями в технике, сельском хозяйстве, медицине. А расходы на науку во все времена с лихвой окупились в виде технологических разработок, созданием новой техники. Проблема состоит не в опасности удорожания науки, а в оптимальном сочетании фундаментальных и прикладных работ, во внедрении их результатов в жизнь.

По этому поводу Мелланби не говорит ничего определенного. Между тем проблема организации науки неразрывно связана с организацией общества в целом. Социалистическое общество имеет здесь крупные преимущества. В Советском Союзе целенаправленное исследование определяется руководящей ролью Академии наук СССР, то есть тем, что за организацию науки ответственны сами ученые, являющиеся своей долгие перед обществом. Это не означает, однако, что и нам не приходится встречаться с недостатками и трудностями.

Таков экономический аспект. Но обобщенные вопросы выходят за рамки баланса расходов и доходов. Знание науки есть одна из важнейших областей духовной деятельности человека, реализация определенной потребности в творческой работе. Чем более развита эта область, тем более материальное и духовное благо, тем больше людей стремится в науку. И это не законное право. Удовлетворение не только материальных, но и духовных нужд каждого члена общества, являющегося частью социального государства, означает необходимость расходов на науку не только в зависимости от принятой ею практической пользы. Этот аспект проблемы никак не затронут в статье Мелланби. Но и здесь организационные вопросы имеют большое значение. Полное удовлетворение духовной потребности в научном творчестве возможно лишь при оптимальной организации науки, при отсутствии помех развитию знаний о природе.

ДУМАЮ, что Мелланби прав, когда отринуть существование «информационного взрыва». Это в самом деле легенда, ставшая весьма модной. Действительно, большое увеличение числа научных журналов и публикаций в них статей вовсе не означает чрезмерного возрастания числа работ, которые необходимо производить исследователям. Журналы и журналы разны. Сложнее для того, чтобы быть в курсе современных событий в молекулярной биологии, необходимо систематически следить примерно за полдюжиной журналов, лишь изредка обращаясь к другим публикациям. По-настоящему выдвигающих работ, служащих источниками новых идей и методов, всегда мало, и публикуется она в немногих журналах.

Массовость занятий наукой в наше время приводит к значительному усилению «фона» средних работ, посвященных преимущественно частным вопросам. Работы эти нужны и полезны, получаемые в них результаты не пропадают зря, но до некоторой степени ис-

тот здесь невелика. Человек должен сам решать, по какому пути ему следовать. Для этого нужны и ум, и воля. Но талантливых ученых нужно не столько заботиться об административных обязанностях, сколько оберегать от них, если они уж сами не бегутся. Генетика сильно выиграла бы, если бы Менделеев не назначили прелатом монастыря.

Массовость науки, большие средства, на нее отпускаемые, ведут к укрупнению научных институтов. Это опасный процесс. Если институт превышает некоторые оптимальные размеры, его научная продуктивность падает, снижается научный тонус. В лучшем случае чрезмерно большой институт распадается на практически независимые, но действующие «удельные княжества», в худшем — деградирует как целое. Это связано с неизбежным возрастанием роли административно-бюрократических факторов в слишком громоздом научном учреждении. С невозможностью по-настоящему руководить таким учреждением как целостной системой. В подобном «научном Вавилоне» отношения сотрудничества и свободной научной дискуссии обычно подменяются служебно-субординационными.

Научные дискуссии, разговоры, обсуждения идей и результатов жизненно необходимы ученому. Но их эффективность тем выше, чем уже круг участников беседы, происходящей в условиях свободных от всякого формализма. Сейчас принято проводить крупные научные конгрессы с тысячами участников. Доклады на таких конгрессах не дают большой информации. Обсуждение докладов на заседаниях практической администрации деятельности. Обе эти функции прекрасно сочетает И. В. Курчатов.

Сегодня роль руководителя в науку особенно важна, поскольку путь к решению многих научных проблем лежит через организацию широких проектов, в выполнении которых участвует ряд научных коллективов.

Дело в том, что вопреки распространенному мнению основной тенденцией современной науки состоит не в все возрастающей специализации, но в объединении различных областей, в интеграции знаний. Это, например, проявилось в создании и развитии молекулярной биологии, в которой соединились биологические, химические и физические подходы к раскрытию тайн жизни. Крупные научные проекты, естественно, основываются на интеграции различных направлений исследований.

В то же время ясно, что созданию нового проекта всегда предшествует творческая работа одного или немногих истинно талантливых ученых. Но, вопреки мнению Мелланби, проект есть не завершающий этап, не «шрифтовка», а именно осуществление научной идеи.

И тем не менее, хотя руководящая и административная работа совершенно необходима современной науке, она не более чем выкуп за возможность вести само исследование. В связи с этим следует оставаться настороженным Мелланби в вопросе о бюджете времени ученого.

КСОЖАЛЕНИЮ, и у нас выдающиеся ученые тратят еще слишком много времени и почти непродуктивной в научном отношении административной, заседательской и организационной деятельности. Чем крупнее и чем старше ученый, тем в большем числе комиссий, советов, редакций он участвует. По-видимому, всегда существовала тенденция как можно больше загружать крупного ученого. Еще Фарадей в свое время составил для себя таблицу нагрузок в качестве члена разных комиссий, лектора, консультанта и т. д. Таких нагрузок у него было около десяти. Но, в отличие от многих наших современников, Фарадей четко сознавал сам себя, что его силы убывают с возрастом, и в течение нескольких лет постепенно отказывался от обязанностей и наконец оставил за собой только работу в лаборатории. Таблица сокращалась и свелась в одной клеточке. Конечно, ученый вправе распоряжаться своим временем, следуя привязанности и общественному долгу. Научно-организационная, административная деятельность также призвание, и очень важное. Как и всегда, число подлинных талан-

тов здесь невелика. Человек должен сам решать, по какому пути ему следовать. Для этого нужны и ум, и воля. Но талантливых ученых нужно не столько заботиться об административных обязанностях, сколько оберегать от них, если они уж сами не бегутся. Генетика сильно выиграла бы, если бы Менделеев не назначили прелатом монастыря.

Массовость науки, большие средства, на нее отпускаемые, ведут к укрупнению научных институтов. Это опасный процесс. Если институт превышает некоторые оптимальные размеры, его научная продуктивность падает, снижается научный тонус. В лучшем случае чрезмерно большой институт распадается на практически независимые, но действующие «удельные княжества», в худшем — деградирует как целое. Это связано с неизбежным возрастанием роли административно-бюрократических факторов в слишком громоздом научном учреждении. С невозможностью по-настоящему руководить таким учреждением как целостной системой. В подобном «научном Вавилоне» отношения сотрудничества и свободной научной дискуссии обычно подменяются служебно-субординационными.

Научные дискуссии, разговоры, обсуждения идей и результатов жизненно необходимы ученому. Но их эффективность тем выше, чем уже круг участников беседы, происходящей в условиях свободных от всякого формализма. Сейчас принято проводить крупные научные конгрессы с тысячами участников. Доклады на таких конгрессах не дают большой информации. Обсуждение докладов на заседаниях практической администрации деятельности. Обе эти функции прекрасно сочетает И. В. Курчатов.

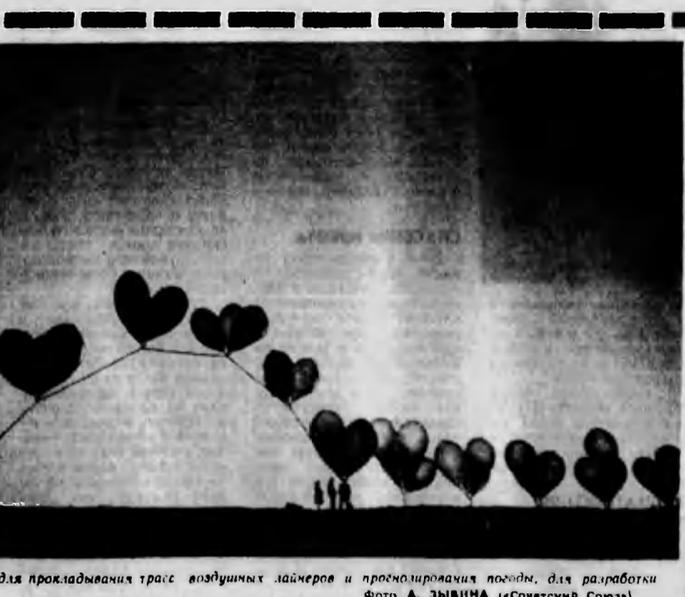
Сегодня роль руководителя в науку особенно важна, поскольку путь к решению многих научных проблем лежит через организацию широких проектов, в выполнении которых участвует ряд научных коллективов.

Дело в том, что вопреки распространенному мнению основной тенденцией современной науки состоит не в все возрастающей специализации, но в объединении различных областей, в интеграции знаний. Это, например, проявилось в создании и развитии молекулярной биологии, в которой соединились биологические, химические и физические подходы к раскрытию тайн жизни. Крупные научные проекты, естественно, основываются на интеграции различных направлений исследований.

В то же время ясно, что созданию нового проекта всегда предшествует творческая работа одного или немногих истинно талантливых ученых. Но, вопреки мнению Мелланби, проект есть не завершающий этап, не «шрифтовка», а именно осуществление научной идеи.

И тем не менее, хотя руководящая и административная работа совершенно необходима современной науке, она не более чем выкуп за возможность вести само исследование. В связи с этим следует оставаться настороженным Мелланби в вопросе о бюджете времени ученого.

ПОДВЕДЕМ итоги. Профессор Мелланби указал в своей статье на сильное возрастание стоимости науки, на отсутствие «информационного взрыва», на отвлечение ученых от основной деятельности. Первое совершенно верно, но вполне закономерно и не свидетельствует ни о какой дезорганизации науки. Второе также правильно, но не означает понижения качества научных исследований. Третье действительно мешает науке. Истинная проблема, однако, состоит не в этих трех положениях, а в оптимальной организации научной работы. Изначально некоторые мысли по этому поводу, увы, никак не претендую на решение проблемы. Ясно, что оно само по себе требует исследовательской работы. Организация науки связана и с оптимизацией высшего образования, и с созданием наиболее благоприятных условий творческой деятельности и обменом научной информацией для ученых. Здесь имеется множество вопросов, ожидающих своего решения. Проблемы организации науки, свободной и серьезно изучаемой в нашей стране, не знающей ряда трудностей в развитии науки, собственных капиталистической системе. Стремительный научно-технический прогресс социалистического общества дает нам веские основания для оптимизма.

Данные, полученные с помощью таких зондов, необходимы для прокладывания трасс воздушных лайнеров и прогнозирования погоды. Для разрабатки методов защиты посевов от града и рассеивания туманов. Фото А. ЗЫВНА («Советский Союз»)

ИОЗЕФУ ТОМАУ ПРАГА СОЮЗ ЧЕШСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогой товарищ Томау! В день Вашего семидесятилетия советские писатели сердечно поздравляют Вас, замечательного чешского писателя, со знаменательным юбилеем.

Мы высоко ценим Вас как превосходного прозаика, книги которого пользуются заслуженным успехом у широкого круга советских читателей.

Желаем Вам, дорогой друг, многих лет жизни, доброго здоровья, новых творческих работ.

С братским приветом ПРАВИЛНИК СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

6 апреля замечательному чешскому писателю Иозефу Томау исполнилось 75 лет. Более полувека назад пришел он, сын литейщика, упорством и настойчивостью добившись образования, а литературу, начавшаяся в 1922 году, первая сикстозеринне, посвящая 70-летнему своему родному городу Рокетице. С тех пор жизнь Томау неразрывно связана с

культурной жизнью страны, с судьбой родного народа. Долгое время он был директором известного издательства союза художников «Менес» и в сложных условиях общественно-культурного развития в межвоенное десятилетие немало сделал для укрепления позиций прогрессивных художественных сил.

Уже в первом крупном

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ МАСТЕР СЛОВА

произведения Томау — роман «Человек интитури» (1933) отчетливо выявляются главные черты его творческой индивидуальности: образность и историческому прошлому и раскрытие на его материале животрепещущих философских и этических проблем современности.

В 30-е годы Томау много работает в театре и кинематографе, успешно осваивает новый жанр радиопрозы. В условиях надвигающейся фашистской опасности И. Томау вместе с прогрессивными мастерами чешской культуры гневно выступает против капиталистической политики буржуазного правительства.

Крупнейшим современным историческим писателем, но и за это пределами. Так уж случилось, что наш читатель познакомился с Томау совсем недавно — в 1973 году. Но познакомиться с ним сразу же оценил и полюбил. Не щадит в бумажных лавках ни «Дон Жуана», ни романа «После нас потоп», рисующего картины Древнего Рима времени Тиберия и Калигулы.

точным знанием изображаемой эпохи, и сочувственно проблем, решаемых на материале прошлого, мыслям и идеям современного читателя.

РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

ИСКУССТВО РОМАНА

«ИСКУССТВО романа и XX века» — так называется книга Д. Затонского. И название это оказалось очень точным. Исследователя волнует проблема сложной взаимосвязи между романом прошлых веков и романом современным.

В своей книге Д. Затонский как раз и занимается своеобразным «прослеживанием» мировой классики и современной литературы сквозь сито уточнений литературоведческих критериев. В первой половине книги автор скрупулезно изучает и старательно выстраивает в классический канон произведения, которые мы привыкли считать «классическими» романами (гротескность, превращение автора в рассказчика, замена авторского сознания самосознанием центрального персонажа и т. д.).

ПОСЛЕ неодолимой революционной затишья на китайской земле вновь бушует страсти, захватившие и область литературы и искусства. За полтора года относительно покоя в КНР появились новые книги — романы, повести, рассказы, сборники стихов и песен. Подвинутому их болшевиком свойственны схематизм, заданность, примитивизм, образно-словесные «ядерки». Мао Цзэ-дун и его «эстетические» установки, а подчас и ничем не прикрытый шовинизм и разнузданная антисоветчина. И все же в некоторых произведениях нет-нет да и проскальзывает робкая попытка отразить какие-то проблемы в жизни китайского народа или осветить некоторые эпизоды недавнего прошлого.

В ОЗЬМЕМ, к примеру, роман «Хао Янтян «Сверкающий путь». Автор его, впервые выступивший в печати в 50-е годы, является сейчас, вне всякого сомнения, наиболее плодовитым из китайских писателей. В 1972 году, помимо названного романа (точнее, первого тома задуманной тетралогии), был переиздан его трехтомник «Весенний день», законченный в самый разгар «культурной революции».

САМОЙ восторженной оценки за свой открытый антикоммунизм удостоился наиболее крупное по объему произведение 1973 года — двухтомный роман Го Синьхуна «В походе». Он издан в Шанхае, этом центре маоистского «радикализма». И вряд ли случайно имя автора романа — Синьхуна — расшифровывается как «стальной красный» раньше всех; в своем маоистском рвении он далеко опередил других «воинов пера».

Смысловую нагрузку несет и имя главного героя романа, одного из руководителей шанхайских хунвейбинов Чуна; его зовут Вэй-хуа, что означает «защитник Китая». От кого же защищает Китай свой бравый «солдат» председатель Мао? Ответ читатель получает чуть ли не на первой странице: «Взор Чуна Вэй-хуа скользя по карте Китая и останавливаясь на провинции Хэйлуцзинь, истерическим призывом:

Армия, а находившийся за тысячу километров, в яньских пещерах, Мао Цзэ-дун. В календарическом плане автор романа доходит до утверждения, будто после победы на родной революции в Китае Советский Союз принял у себя бежавших от народного гнева помещиков и японских прихвостней, с тем чтобы впоследствии использовать их для «подразной деятельности» на китайской территории. До таких «открытий» маоистские борюности до сих пор, кажется, еще не додумывались. Зато язык, которым написаны антикоммунистические эпизоды романа, нам хорошо знаком.

Да, поистине гнетущее впечатление оставляет это творение Го Синьхуна, перенасыщенное кулом «великого кортежа», проповедующее национальную вражду, воспевашее «порочную заповедь». Говорить о нем всерьез как о художественном произведении не приходится. Но ведь оно опубликовано большим тиражом, воссоздано рецензиями и оказывает свое пагубное воздействие на таких же неопытных, политически незрелых юношей и девушек, какие в нем изображены.

ОДНАКО, как видно, маоистская причина не всеисцеляет. Это подтверждает, в частности, статья, опубликованная в «Иньшань жибао» 25 января нынешнего года за подписью Лу Вэнь (в переводе — «борец за линию»). Начав, как полагаются, с заявления о «партии на фронте литературы и искусства», проясняющей обстановку пролетариата, он заявляет далее, что «ведая горстка злоумышленников» не способна познать отрицательного значения революции в литературе и искусстве.

Среди романов, которые Д. Затонский причисляет к «центровстремительным», на первое место в книге выдвигаются романы Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Р. Музиль, Р. Мерля. У них автор обнаруживает особые приемы обращения к категории времени, изображения самосознания героя, разные по степеням, но ошутливые стремления к моделированию действительности. Несколько раз в главе «Достойный человек» Д. Затонского упоминает имена Арагона («Страстная неделя»), Брета («Дела господина Юлия Цезаря») и «Прегрошувый роман» и даже Германа Канта («Актовый зал»). В них, по мнению исследователя, все рошует авторская позиция, авторское видение мира.

В ОЗЬМЕМ, к примеру, роман «Хао Янтян «Сверкающий путь». Автор его, впервые выступивший в печати в 50-е годы, является сейчас, вне всякого сомнения, наиболее плодовитым из китайских писателей. В 1972 году, помимо названного романа (точнее, первого тома задуманной тетралогии), был переиздан его трехтомник «Весенний день», законченный в самый разгар «культурной революции».

В ОЗЬМЕМ, к примеру, роман «Хао Янтян «Сверкающий путь». Автор его, впервые выступивший в печати в 50-е годы, является сейчас, вне всякого сомнения, наиболее плодовитым из китайских писателей. В 1972 году, помимо названного романа (точнее, первого тома задуманной тетралогии), был переиздан его трехтомник «Весенний день», законченный в самый разгар «культурной революции».

САМОЙ восторженной оценки за свой открытый антикоммунизм удостоился наиболее крупное по объему произведение 1973 года — двухтомный роман Го Синьхуна «В походе». Он издан в Шанхае, этом центре маоистского «радикализма». И вряд ли случайно имя автора романа — Синьхуна — расшифровывается как «стальной красный» раньше всех; в своем маоистском рвении он далеко опередил других «воинов пера».

Смысловую нагрузку несет и имя главного героя романа, одного из руководителей шанхайских хунвейбинов Чуна; его зовут Вэй-хуа, что означает «защитник Китая». От кого же защищает Китай свой бравый «солдат» председатель Мао? Ответ читатель получает чуть ли не на первой странице: «Взор Чуна Вэй-хуа скользя по карте Китая и останавливаясь на провинции Хэйлуцзинь, истерическим призывом:

ОДНАКО, как видно, маоистская причина не всеисцеляет. Это подтверждает, в частности, статья, опубликованная в «Иньшань жибао» 25 января нынешнего года за подписью Лу Вэнь (в переводе — «борец за линию»). Начав, как полагаются, с заявления о «партии на фронте литературы и искусства», проясняющей обстановку пролетариата, он заявляет далее, что «ведая горстка злоумышленников» не способна познать отрицательного значения революции в литературе и искусстве.

ОДНАКО, как видно, маоистская причина не всеисцеляет. Это подтверждает, в частности, статья, опубликованная в «Иньшань жибао» 25 января нынешнего года за подписью Лу Вэнь (в переводе — «борец за линию»). Начав, как полагаются, с заявления о «партии на фронте литературы и искусства», проясняющей обстановку пролетариата, он заявляет далее, что «ведая горстка злоумышленников» не способна познать отрицательного значения революции в литературе и искусстве.

ОДНАКО, как видно, маоистская причина не всеисцеляет. Это подтверждает, в частности, статья, опубликованная в «Иньшань жибао» 25 января нынешнего года за подписью Лу Вэнь (в переводе — «борец за линию»). Начав, как полагаются, с заявления о «партии на фронте литературы и искусства», проясняющей обстановку пролетариата, он заявляет далее, что «ведая горстка злоумышленников» не способна познать отрицательного значения революции в литературе и искусстве.

ОДНАКО, как видно, маоистская причина не всеисцеляет. Это подтверждает, в частности, статья, опубликованная в «Иньшань жибао» 25 января нынешнего года за подписью Лу Вэнь (в переводе — «борец за линию»). Начав, как полагаются, с заявления о «партии на фронте литературы и искусства», проясняющей обстановку пролетариата, он заявляет далее, что «ведая горстка злоумышленников» не способна познать отрицательного значения революции в литературе и искусстве.

ПО СТАРЫМ ШАБЛОНАМ

И. НАДЕЕВ КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СЕГОДНЯ

Герой книги, бывший баграв Гао Да-чэн, горючо отстаивает преимущественно социалистического пути, необходимость объединения усилий революции. По старости времени Чжан Цзиньфа, сынялся на призывы «разного начала» — «развивать хозяйство, обогащать страну», считает преждевременным говорить об объединении. Борьба этих двух тенденций составляет содержание романа. Конфликт этот имеет явственный характер, хотя автор не показывает исторический преемство, придавая исключительное значение в разрыве между кампаниями за коллективизацию крестьян и кампаниями за «культурную революцию».

Очевидно, последнее предрешение и вызывает наибольшую ярость. Ведь именно за попытку «фальсификации» «культурной революции» и велено по первому числу автору повести «Ляньшань», о чем уже писала «Литературная газета» 13 февраля. Суть предвзятых ему обвинений как раз и состоит в том, что он «представил «старых» у власти до «культурной революции» положительных героев, а «идеологией» отрицательных. Тем самым автор «Ляньшань» инталкивает читателей на мысль о том, что «великое потрясение» не принесло ничего хорошего.

Обязательным атрибутом романа является также воспоминания героя о гонимой на берегу Амура, чтобы вести там борьбу с «интернированными» и «выпущенными» в мирными классами. Настроение наиболее оптимистично, проповедующее «культурную революцию». Это прежде всего потому, что автор не отрицает существование в стране «технических работников», которые и геологические данные дают неверные, и научный эксперимент поставлен не может, да и вообще знает гораздо меньше, чем, например, опытный шахтер Сун Те-бао. А он, осуществляя «лишнюю массу», постоянно советуется со старыми крестьянами и рыбаками и потому во всем добивается успеха.

Важно за эту «правильность» пенкивая печать и расхваливать на все лады роман «Метели приносит весну».

Важно за эту «правильность» пенкивая печать и расхваливать на все лады роман «Метели приносит весну».

Важно за эту «правильность» пенкивая печать и расхваливать на все лады роман «Метели приносит весну».

Важно за эту «правильность» пенкивая печать и расхваливать на все лады роман «Метели приносит весну».

Важно за эту «правильность» пенкивая печать и расхваливать на все лады роман «Метели приносит весну».

Для 1972 и первой половины 1973 года были характерны произведения подобной рода, в значительной мере обращенные в прошлое.

Для 1972 и первой половины 1973 года были характерны произведения подобной рода, в значительной мере обращенные в прошлое.

Для 1972 и первой половины 1973 года были характерны произведения подобной рода, в значительной мере обращенные в прошлое.

Для 1972 и первой половины 1973 года были характерны произведения подобной рода, в значительной мере обращенные в прошлое.

Для 1972 и первой половины 1973 года были характерны произведения подобной рода, в значительной мере обращенные в прошлое.

Для 1972 и первой половины 1973 года были характерны произведения подобной рода, в значительной мере обращенные в прошлое.

Для 1972 и первой половины 1973 года были характерны произведения подобной рода, в значительной мере обращенные в прошлое.

Для 1972 и первой половины 1973 года были характерны произведения подобной рода, в значительной мере обращенные в прошлое.

КТО, ГДЕ, КОГДА

ИЗДАНИЕ 20-томного собрания сочинений и записей писателя Федерико Феллини — событие в истории литературы едва ли не уникальное. Однако оправдание подобной акции в отношении Феллини на вызывает сомнения. Его сценарии — это самостоятельные художественные произведения, свидетельствующие о большом писательском таланте кинорежиссера. Не только «волашником экран», но и крупным писателем называет его в одной из рецензий «Литературная газета» «Взлет дас Вукса».

ИЗДАНИЕ 20-томного собрания сочинений и записей писателя Федерико Феллини — событие в истории литературы едва ли не уникальное. Однако оправдание подобной акции в отношении Феллини на вызывает сомнения. Его сценарии — это самостоятельные художественные произведения, свидетельствующие о большом писательском таланте кинорежиссера. Не только «волашником экран», но и крупным писателем называет его в одной из рецензий «Литературная газета» «Взлет дас Вукса».

ИЗДАНИЕ 20-томного собрания сочинений и записей писателя Федерико Феллини — событие в истории литературы едва ли не уникальное. Однако оправдание подобной акции в отношении Феллини на вызывает сомнения. Его сценарии — это самостоятельные художественные произведения, свидетельствующие о большом писательском таланте кинорежиссера. Не только «волашником экран», но и крупным писателем называет его в одной из рецензий «Литературная газета» «Взлет дас Вукса».

ИЗДАНИЕ 20-томного собрания сочинений и записей писателя Федерико Феллини — событие в истории литературы едва ли не уникальное. Однако оправдание подобной акции в отношении Феллини на вызывает сомнения. Его сценарии — это самостоятельные художественные произведения, свидетельствующие о большом писательском таланте кинорежиссера. Не только «волашником экран», но и крупным писателем называет его в одной из рецензий «Литературная газета» «Взлет дас Вукса».

ИЗДАНИЕ 20-томного собрания сочинений и записей писателя Федерико Феллини — событие в истории литературы едва ли не уникальное. Однако оправдание подобной акции в отношении Феллини на вызывает сомнения. Его сценарии — это самостоятельные художественные произведения, свидетельствующие о большом писательском таланте кинорежиссера. Не только «волашником экран», но и крупным писателем называет его в одной из рецензий «Литературная газета» «Взлет дас Вукса».

ИЗДАНИЕ 20-томного собрания сочинений и записей писателя Федерико Феллини — событие в истории литературы едва ли не уникальное. Однако оправдание подобной акции в отношении Феллини на вызывает сомнения. Его сценарии — это самостоятельные художественные произведения, свидетельствующие о большом писательском таланте кинорежиссера. Не только «волашником экран», но и крупным писателем называет его в одной из рецензий «Литературная газета» «Взлет дас Вукса».

ИЗДАНИЕ 20-томного собрания сочинений и записей писателя Федерико Феллини — событие в истории литературы едва ли не уникальное. Однако оправдание подобной акции в отношении Феллини на вызывает сомнения. Его сценарии — это самостоятельные художественные произведения, свидетельствующие о большом писательском таланте кинорежиссера. Не только «волашником экран», но и крупным писателем называет его в одной из рецензий «Литературная газета» «Взлет дас Вукса».

ИЗДАНИЕ 20-томного собрания сочинений и записей писателя Федерико Феллини — событие в истории литературы едва ли не уникальное. Однако оправдание подобной акции в отношении Феллини на вызывает сомнения. Его сценарии — это самостоятельные художественные произведения, свидетельствующие о большом писательском таланте кинорежиссера. Не только «волашником экран», но и крупным писателем называет его в одной из рецензий «Литературная газета» «Взлет дас Вукса».

20 ТОМОВ Федерико Феллини

РЕКОРД БУДЕТ ПОБИТ

«Никому не приходится слышать столько глупостей, сколько в театре», — высказался в музее. Эта мысль, принадлежащая братям Гонимур, и возмущено, вполне оправданная для своего времени, в наши дни вызывает у зарубежных сатириков самое искреннее чувство протеста. «А зря!» — спрашивают они. И вообще, в музее, полагается и полагается соблюдать тишину, а в родных стенах как не высказаться сразу все, что ни придет в голову.

А. РУСАКОВА, профессор, доктор филологических наук

«Будь у меня такой голубчик, и я села бы ничуть не позже».

Опера об Эйнштейне

«Эйнштейн» — новая опера композитора ГДР Пауля Дессау (автор либретто — Мари Миллер), премьера которой состоялась недавно в Берлине. Ее герой — гениальный физик Альберт Эйнштейн, эмигрировавший в 1933 году из фашистской Германии в США и саник работавший сподручавший созданию атомной бомбы. Однако это не биографическое произведение, а философская музыкальная драма, в которой автором ученого перед историей за последствия своего открытия, образ Эйнштейна приобрел обобщенные черты.

Опера об Эйнштейне

«Эйнштейн» — новая опера композитора ГДР Пауля Дессау (автор либретто — Мари Миллер), премьера которой состоялась недавно в Берлине. Ее герой — гениальный физик Альберт Эйнштейн, эмигрировавший в 1933 году из фашистской Германии в США и саник работавший сподручавший созданию атомной бомбы. Однако это не биографическое произведение, а философская музыкальная драма, в которой автором ученого перед историей за последствия своего открытия, образ Эйнштейна приобрел обобщенные черты.

Опера об Эйнштейне

«Эйнштейн» — новая опера композитора ГДР Пауля Дессау (автор либретто — Мари Миллер), премьера которой состоялась недавно в Берлине. Ее герой — гениальный физик Альберт Эйнштейн, эмигрировавший в 1933 году из фашистской Германии в США и саник работавший сподручавший созданию атомной бомбы. Однако это не биографическое произведение, а философская музыкальная драма, в которой автором ученого перед историей за последствия своего открытия, образ Эйнштейна приобрел обобщенные черты.

Опера об Эйнштейне

«Эйнштейн» — новая опера композитора ГДР Пауля Дессау (автор либретто — Мари Миллер), премьера которой состоялась недавно в Берлине. Ее герой — гениальный физик Альберт Эйнштейн, эмигрировавший в 1933 году из фашистской Германии в США и саник работавший сподручавший созданию атомной бомбы. Однако это не биографическое произведение, а философская музыкальная драма, в которой автором ученого перед историей за последствия своего открытия, образ Эйнштейна приобрел обобщенные черты.

Опера об Эйнштейне

«Эйнштейн» — новая опера композитора ГДР Пауля Дессау (автор либретто — Мари Миллер), премьера которой состоялась недавно в Берлине. Ее герой — гениальный физик Альберт Эйнштейн, эмигрировавший в 1933 году из фашистской Германии в США и саник работавший сподручавший созданию атомной бомбы. Однако это не биографическое произведение, а философская музыкальная драма, в которой автором ученого перед историей за последствия своего открытия, образ Эйнштейна приобрел обобщенные черты.

Опера об Эйнштейне

«Эйнштейн» — новая опера композитора ГДР Пауля Дессау (автор либретто — Мари Миллер), премьера которой состоялась недавно в Берлине. Ее герой — гениальный физик Альберт Эйнштейн, эмигрировавший в 1933 году из фашистской Германии в США и саник работавший сподручавший созданию атомной бомбы. Однако это не биографическое произведение, а философская музыкальная драма, в которой автором ученого перед историей за последствия своего открытия, образ Эйнштейна приобрел обобщенные черты.

Опера об Эйнштейне

«Эйнштейн» — новая опера композитора ГДР Пауля Дессау (автор либретто — Мари Миллер), премьера которой состоялась недавно в Берлине. Ее герой — гениальный физик Альберт Эйнштейн, эмигрировавший в 1933 году из фашистской Германии в США и саник работавший сподручавший созданию атомной бомбы. Однако это не биографическое произведение, а философская музыкальная драма, в которой автором ученого перед историей за последствия своего открытия, образ Эйнштейна приобрел обобщенные черты.

Опера об Эйнштейне

«Эйнштейн» — новая опера композитора ГДР Пауля Дессау (автор либретто — Мари Миллер), премьера которой состоялась недавно в Берлине. Ее герой — гениальный физик Альберт Эйнштейн, эмигрировавший в 1933 году из фашистской Германии в США и саник работавший сподручавший созданию атомной бомбы. Однако это не биографическое произведение, а философская музыкальная драма, в которой автором ученого перед историей за последствия своего открытия, образ Эйнштейна приобрел обобщенные черты.

Опера об Эйнштейне

М. БЕРКОЛАИКО, Гр. АРКАДЬЕВ

АХ, РОМАНТИКА!

В СЕ ЖИВОПИСНО расположились на траве вокруг костра, и лица их были такими, какими они и должны были быть, когда не слышна суeta большого города, когда тишина перозада, а природа дивна, а природа дивна. И руки сами танцуют к гитаре, и негромкие голоса пели о том, что люди идут по свету, а нужно им, в общем, немного.

— Сколько озона в этом воздухе, ребята! — простонал Эдик.

— И романтики! — добавил Павлик.

— Ах, романтика! — застенчиво прошептала Вика. — Конечно, что мы все — романтики! Только Коска не романтик...

...А Коска сидел в ярко освещенном зале, курил и терпеливо дожидался своих цыплят-табака...

Костер набрал силу, потрескивал, потрескивал, и руки не выпускали гитару, и негромкие голоса пели о том, что страдают в ребячьих душах божественные сонаты, а светлые песни норвежского композитора Грига переполняют их.

— Надо, чтобы на ногах всегда были кеды, а не эти модные тупоносые пэтуботки на платформе с пружинками под старинную бронзу, — убежденно сказал Павлик.

— Только так можно сплести с природой! — подхватил Эдик.

Как это прекрасно — слыться с природой!

— Жаль только, что этого не понимает Коска, — застенчиво прошептала Вика.

...А Коска сидел в ярко освещенном зале, пил нарзан и терпеливо дожидался своих цыплят-табака...

Костер уже гудел, разбрасывая вокруг блестящие блики света, и негромкие голоса закончили петь.

— Звезда упала, — сказал Павлик, — а я не успел загадать желание. Вот вторая упала, третья...

— Что это они вдруг все поделали! — встревожилась Вика. — И гарью запахло! Мне здесь уже не нравятся!

— Официант! — застенчиво позвала Вика.

Дверь распахнулась, в кабинет вошел официант, выключил костер, включил свет, сел в ружон, повернул с трапезной и прислонил его к стене. Все силы кеды, сдал их официанту, надели модные тупоносые пэтуботки на платформе с пружинками под старинную бронзу и вышли в ярко освещенный общий зал, где Коска ел хлеб с горчицей и терпеливо дожидался своих цыплят-табака...

ВОРОНЕЖ

ЭТО УЖ ТОЧНО, что в каждой бочке меда есть своя ложка дегтя!

Приняв мы в свой дружной коллектив Олега Анисимовича Златых, человека, с первых же дней провозгласившего себя коллективом, открыто бросившего вызов добрым традициям, сложившимся в нашей конторе...

В первый же день Олег Анисимович начал нарушать нашу трудовую дисциплину. Прекрасно зная, что начало работы — в восемь пятнадцать, товарищ Златых явился на работу ровно в восемь пятнадцать.

Придя примерно минут через сорок, мы тактично сделали вид, что не заметили прозеку Олега Анисимовича, а пошли, как обычно, в буфет пить пиво, естественно, прихватив нового сотрудника. Но Олег Анисимович отказался. Но и здесь мы тактично не обратили внимания...

Мы думали, что это пройдет. Но на следующий день товарищ Златых, как ни в чем не бывало, снова явился в восемь пятнадцать. Когда минут через пятнадцать мы появились в конторе, то снова заметили, что ничего не заметили, но один из нас не выдержал и предупредил товарища Златых о недопустимости нарушения нашего внутреннего распорядка.

— Вы уж будьте добры приходите вовремя, — сказал он, — как все мы. В восемь пятнадцать, в восемь сорок или уж в крайнем случае в восемь тридцать пять.

Но товарищ Златых не обратил внимания на замечания товарища по работе и нава...

ДРУЖНАЯ БОЧКА МЕДА

ра, ведь себя явно вымывающе по отношению к коллегам, появился на рабочем месте в восемь часов севят минут, за что и получил свой первый выговор в нашей конторе.

Дальше — больше...

Когда мы, выпив пиво, читали центральные газеты, товарищ Златых совершенно открыто и не стесняясь читал «Справочник по металлорежущим станкам», чем вызвал возмущение не только наше, но и сотрудников соседнего отдела.

По-товарищески мы скандалили об этом и даже пытались подсунуть свежий номер журнала «Работница», но товарищ Златых даже не сбавил темп, а ответил нам на то, и мы были вынуждены доложить о его безобразном поведении на...

Александр и Лев ШАРГОРОДСКИЕ

в стенах нашей конторы. Что бы сделала на месте товарища Златых другая работница?

Он наверняка пересмотрел бы свое поведение, сделал бы соответствующие выводы и принес бы извинения коллективу.

Но не такое бы товарищ Златых.

В тот же день — вникнул, потеряв человеческий облик и поправив всеческие моральные нормы — товарищ Златых, прекрасно зная, что работа по расписанию оканчивается в восемьнадцать часов, ушел с работы именно в восемнадцать часов, заставив продать себя сорок минут старенькую гардеробщицу, мать троих детей.

Только после этого было наконец принято справедливое решение о немедленном увольнении нерадивейшего работника Златых, зарвавшегося гражданина Златых в нашей дружной бочке меда...

ИСТФАК «КЛУБА ДС»

ПОПАДАЙТЕ В ИСТОРИЮ!

Администрация «Клуба ДС» способна не задумываясь назвать четыре-пять имен людей, в разное время попавших в историю. Например, теща Тутанхамона Нефертити и другие. Чтобы попасть в историю, надо чем-нибудь прославиться. Но сейчас этого уже мало. Необходимо знать не только, что такое история, но и историю вообще, объявляя прием на истфак «Клуба ДС».

Много лет назад в Петрограде вышла очень смешная книжка — «Всеобщая история, обработанная сатирическими Сатириконами». Это люди, выпускавшие смешной журнал «Сатирикон». Книжка состояла из трех разделов: древняя история, средняя века и новая история. Составитель древней истории предложил читателям в конце раздела для закрепления материала ряд вопросов. Так вот для поступления на истфак «Клуба ДС» всем абитуриентам и будет необходимо ответить на эти вопросы. Вот они:

ДС — всем абитуриентам и будет необходимо ответить на эти вопросы. Вот они:

1. Указать разницу между статуей Межкома и пифией.
 2. Проследить влиятельнейшие земледельца на периодских женщин.
 3. Указать разницу между Лжесмердизом и простым Смердизом.
 4. Провести параллель между жителями Пенелопы и первой Пучинской войной.
 5. Указать разницу между развратной Мессалиной и глубокой испорченной Агриппиной.
 6. Перечислить, сколько раз оронули и сколько раз пришли в замешательство римские легионы.
 7. Выразиться несколько раз лаконично без ущерба для собственной личности.
- Если вы кратко и правильно ответите на эти вопросы, то будете сразу же зачислены на истфак «Клуба ДС». Самые умные ответы будут опубликованы по мере поступления. Свои ответы пишите на конверте — один месяц.
- Держайте, граждане! История вас простит!

Юрий ПРОКОПЕНКО

КОНКУРС

Я ВСМАТРИВАЛСЯ в лица членов жюри и понимал, что будет нелегко. Меня особенно страшил взгляд председателя конкурсной комиссии. Он, скажу, можно угадать былало фокусника, старого ветерана менажа!

— Слушаем вас, — сказал он.

Страх и неуверенность как рукой сняло. Я почувствовал себя внутренне собранным и готовым успешно дергать какой угодно конкурсный экзамен.

На спеша достав из кармана носовой платочек, я полагал, что перед жюри и поделал по полу. Затем пошел на ладонь.

Перед изумленным членами комиссии выросла груда кирпичей. Я еще раз взмахнул платочком, еще раз пошел на ладонь. И груда выросла вдвое...

— Кирпичей достаточно, — невозмутимым голосом остановил меня председатель. — Давайте по остальным пунктам...

— В каком случае позволите Ваш цилиндр, — поклонился я.

Набрый его платочком, я трижды пошел на руку и промолвил:

— Ая!

Потом снял платочек, перевернул цилиндр, и из него, как из рога изобилия, посыпались газоны. Они сыпались до тех пор, пока кто-то из членов жюри не произнес:

— Нормально!

Тогда я снял левый ботинок и вынул из него литров тридцать зеленой краски. Сбросил правый ботинок — на пол хлынула, словно из аэродосточной трубы во время ливня, олимпиа.

— А где ваша проволока! — спросил меня член комиссии, сидевший справа от председателя.

— У вас в кармане, — ответил я, приблизившись к нему.

Когда из кармана члена комиссии выскользнула вторая сотня метров проволоки, я понял, что слегка ахоспольнул жюри.

— А как дела с трубами! — понтересовался член комиссии, сидевший слева от председателя.

— Расстегните, пожалуйста, свой портфель, — попросил я.

Озадаченный член жюри достал из собственного портфеля образцы труб нескольких диаметров.

— Где возьмем унитазы! — послышался коварный вопрос. Я пошел на обе ладони, выдернул три алоосники и объявил:

— А посмотрите, на чем вы сидите.

Стом восхищения вырвался из уст членов жюри. Кто-то даже зааплодировал.

Чтобы окончательно потрясти конкурную комиссию, я достал из бокового кармана кран, дынул на него — пошла горячая вода. Из кармана брызнул излетка лампочку и свистнул — она зазвенела.

— Это наш человек! — услышал я, покидая зал.

Сомнений не было: а конкурс на замещение вакантной должности снабженца строительного треста я стал победителем.

Но меня ждало разочарование. Не должность — снабженца взяли другого — того, кто вошел после меня. Он переплюнул асах оригинальным номером: под гильзосом заставил председателя жюри снять пиджак. Брюки и туфли, а затем уговорил его все это списать...

Перевел с украинского В. ЗЕСКИН

В. ПЕТУХОВ (ХАРЬКОВ)

Павел ХМАРА

Тыше едимо — дальше будемо

Вот так скорей!
Стремглав! На поезде!
Нашим дорожкам!
Мы им идем!

Для оставшихся!
нас идет!
Кан нам на таргетис!

Доплеть, дозвать!
Мы идем событий!
скорей бы отпущк!
скорей бы в бой,
[где можно
«хлопнуть по одной»]

скорей бы этому случителю!
скорей скорей, скорей туд!
И время сметет,
и улетает в никуда,
И мы с ним прощаем —
ни случаем,
двигательно!
И вдруг однажды замечает,
что жизнь,
как время, пронеслась,
себя намного едрот!
И мы милеем едрот, что,
подогреть время наше,
там часто щелкали кнутами,
что не хватало нам терпенья,
убрав порою паруса,
сказали:
— Остановимся, мгновением!
Побудь со мной,
хоть полочка.

О ЧЕНЬ мне нравится читать про то, как благодаря силе своего ума сотрудники уголовного розыска следователи, а иногда и любители вroads не разгадывают самые запутанные преступления.

Сейчас я изложу одно дело, которое я сам не днях распутал.

Я возвращался домой из хорошей трудовой смены, где находился в гостях по случаю новоселья. Ровно в два часа тридцать минут на углу улицы Тургнева и Малой Протяжной ко мне подошел гражданин, который был явно не в себе. Гражданин заявил, что только что буквально дочиста ограбил магазин «Ювелирторг», где лично он работает ночным сторожем. Поскольку от заплета не сошел запах спиртного, я не придал значения его словам, но он взял меня за руку и потащил за собой.

Гражданин, его фамилия оказалась Бусин, сообщил мне, что он от переемтомления заснул на посту, а когда проснулся, обнаружил, что объект, который он охранял, полностью ограблен.

Не желая пока включать в это дело милицию, я попросил Бусина, чтобы он сам пошел в магазин «Ювелирторг», где лично он работает ночным сторожем. Поскольку от заплета не сошел запах спиртного, я не придал значения его словам, но он взял меня за руку и потащил за собой.

Гражданин, его фамилия оказалась Бусин, сообщил мне, что он от переемтомления заснул на посту, а когда проснулся, обнаружил, что объект, который он охранял, полностью ограблен.

Не желая пока включать в это дело милицию, я попросил Бусина, чтобы он сам пошел в магазин «Ювелирторг», где лично он работает ночным сторожем. Поскольку от заплета не сошел запах спиртного, я не придал значения его словам, но он взял меня за руку и потащил за собой.

соответствии с Уголовным кодексом.

Первая у меня была задача — выяснить, кто этот человек, которому он писал записку, и которая задача — узнать, где он примерно мог бы сидеть.

Перво с утра мой внутренний голос сказал мне: «Иди в ресторан «Камели» и я пошел туда. Для виду выпил две кружки пива, а потом, как бы между прочим, предвзвлял официантке по имени Тоса фотокарточку Попплакова.

Официантка Тоса — редкая труженица общественно-го питания — посмотрела на фотокарточку и заявила, что да, в последнее время ус...

Борис ЛАСКИН

РАССКАЗ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

почему! Потому что чувствует, что он уже в петле и она понемногу начинает затягиваться. Я ему говорю: — Вы не отвечаете на мой вопрос. А мне кажется, вы бы ответили в «Имее».

Попплаков молчит. Старается скрыть волнение. Достает сигарету, закурил. Это прием известный. Когда надо выиграть время, лучше всего закурить.

Закурив директор и спрашивает: — Вы праведный? Я говорю: — Это неважно... Я хочу жене подарок сделать. Здесь, кажется, есть неплохой ювелирный магазин...

Попплаков поадозорительно взглянул на меня и махнул рукой.

— Был такой магазин. Был... И тут я нанес свой неотрезанный удар: — Где ожерелье! Где серебряные ложки! Где все! Попплаков сперва растерялся; потом взглянул на меня, как загнанный олень, и сказал: — Весь товар в наденном месте. Я все отлично понимаю и не хочу оп...

почему! Потому что чувствует, что он уже в петле и она понемногу начинает затягиваться. Я ему говорю: — Вы не отвечаете на мой вопрос. А мне кажется, вы бы ответили в «Имее».

Попплаков молчит. Старается скрыть волнение. Достает сигарету, закурил. Это прием известный. Когда надо выиграть время, лучше всего закурить.

Закурив директор и спрашивает: — Вы праведный? Я говорю: — Это неважно... Я хочу жене подарок сделать. Здесь, кажется, есть неплохой ювелирный магазин...

Попплаков поадозорительно взглянул на меня и махнул рукой.

— Был такой магазин. Был... И тут я нанес свой неотрезанный удар: — Где ожерелье! Где серебряные ложки! Где все! Попплаков сперва растерялся; потом взглянул на меня, как загнанный олень, и сказал: — Весь товар в наденном месте. Я все отлично понимаю и не хочу оп...

ПЕРЕВОДЫ ПЕБЕВОВУР

Альфонс Алле (1854 — 1905) — известный французский юморист, автор большого количества пьес и рассказов. В начале нашего века некоторые рассказы были впервые переведены на русский язык и опубликованы в библиотеке «Сатирикона».

Этот рассказ взят из сборника, вышедшего в девятнадцатых годах XIX века.

СЧЕТ

Альфонс АЛЛЕ

Прожив два дня в захудалой гостинице и получив счет на пятьсот франков, я решил поговорить с хозяином.

— Пардон, мосье, — начал я. — Откуда такой огромный счет! Вы поставили нам четыре дня, а мы не прожили у вас и трех: приехали в понедельник ночью, а сегодня утром уже уезжаем.

— Понедельник, вторник, среда, четверг — четыре дня! — возразил мне хозяин.

— Но нельзя же считать понедельник! Ведь мы приехали около полудня, а четверг только еще начинался!

— Такое правило, мосье: раз день начался — он включается в счет.

— Ну ладно... Но объясните, почему вы посчитали нам по два франка в день за электричество! Ведь света не было все два дня, пока мы у вас жили!

— Да, света не было, но вы, должны заметить, от этого отнюдь не пострадали: вам подавали свечи.

— Да, свечи были, и вы из со спокойной совестью тоже включили в счет.

— А как же! Они ведь достаются не даром!

— Но тогда не считайте электричество!

— Невозможно, мосье. Электричество — это обязательный расход, а свечи — дополнительный!

— А почему вы посчитали нам бумагу и чернила! Мы ничего не писали!

— Вы не писали — зато для вас писали!

— Кто же! — разозлился я.

— Мы! Вечером, когда вы приехали, мы записали ваши фамилии. Каждый день за обедом вам подавали меню — тоже на бумаге, прошу заметить! И наконец, вот ваш счет — он тоже написан на бумаге!

Этот довод окончательно сразил меня, и я признал себя побежденным!

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

БОЯ КОНЫ

● НОВОСТИ СПОРТА

В гор. Харьковские проходили трамвайные гонки. Не старт вышло 14 вагонов. Партия — с неполом вагонами — пересек линию финиша трамвая номер 44. Любопытно, что этот же трамвай а стартовал первым.

● ГДЕ ЗДОРОВЬЕ, ТАМ И КРАСОТА

Если вы будете поддерживать свое тело в течение рабочего дня в вертикальном состоянии, то мышцы вашего позвоночника заметно окрепнут, осанка нормализуется, внешний вид улучшится.

● ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Если прокатывая мимо машина забрызгала вас грязью, не огорчайтесь. Найдите чистую лужу и ждите следующего автомобиля.

● ИЗ ПИСЬМА

«Здравствуйте, Вася и Муся. Сообщаю вам, что я пока жив, а здоровье мое — не дай бог, того и вам желаю».

ФРАЗЫ

● Мало быть человеком, надо быть своим человеком.

● Имел нечеловеческое чувство достоинства.

● Чтобы уметь долгожить, нужно уметь вовремя.

М. ВАНСБЕРГ